

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ДЕТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

**РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
В УКРАИНЕ:
теоретические и практические
аспекты**

Материалы Первой конференции ПАДАП

30 января 2010 года, г. Киев

Киев – 2011

Развитие детской аналитической психологии в Украине: теоретические и практические аспекты: Материалы Первой конференции ПАДАП (30 января 2010 года, г. Киев) – К.: ПАДАП, 2011. – 95 с.

Редакционная коллегия:

Залеская О.В., президент ПАДАП, канд. психол.наук, рутер IAAP, член Киевской группы развития IAAP

Грушецкая Юлия Владимировна, психолог

Коваленко Елена Павловна, семейный психолог, член Киевской группы развития IAAP

Худякова Наталия Юрьевна, семейный психолог, канд. психол. наук, доцент кафедры практической психологии и психотерапии НПУ имени М.П.Драгоманова

Художественное оформление обложки

Сборник включает в себя материалы Первой конференции Профессиональной ассоциации детских аналитических психологов, состоявшейся 30 января 2010 года в г. Киеве.

В сборнике представлены теоретические и практические материалы, касающиеся проблем аналитической психологической работы с детьми.

Материалы рассчитаны на специалистов, для которых психологическая работа с детьми представляет научный и практический интерес.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЬ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ЮНГИАНСКОГО АНАЛИЗА В УКРАИНЕ

История развития юнгианского анализа в Украине.....	4
История становления ПАДАП. Определение идентичности.....	5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ДЕТСКОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

<i>Залеская О.В.</i> Пространство возможного чуда... Детский психотерапевтический кабинет.....	12
<i>Кирилюк И.Н.</i> Размышления о переносе и контрпереносе в детской психотерапии.....	18
<i>Молостова Е.О.</i> Интерпретация песочной игры...(материалы к докладу) ..	22
<i>Коваленко Е.П.</i> Украденное детство. Физическое и сексуальное насилие в семье.....	29
<i>Худякова Н.Ю.</i> Этапы и перспективы работы с «ранней» проблематикой в детской психотерапии.....	41
<i>Пирхал О.П.</i> Клинический случай работы с детской травмой в условиях больницы	52
<i>Поздеева Е.В.</i> Мальчик «не кстати». От психотического смятения к пространству творчества.....	56
<i>Кирилюк И.Н.</i> Супервизия в практике детского психолога.....	69

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рекомендации родителям по расставанию.....	75
Рекомендации родителям по предупреждению ситуаций сексуального использования ребенка со стороны взрослых.....	77
Аналитическое диагностическое исследование ребенка.....	79
Рекомендованная художественная литература для детей.....	88

ПУТЬ РАЗВИТИЯ ДЕСТКОГО ЮНГИАНСКОГО АНАЛИЗА В УКРАИНЕ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЮНГИАНСКОГО АНАЛИЗА В УКРАИНЕ

*по материалам сайта
<http://www.jungians.kiev.ua>*

Киев - столица Украины, город с полуторатысячелетней историей, в нем сохранились памятники различных эпох. Это церкви, дома, музеи, улицы. История Украины еще более древняя. Благодаря раскопкам мы знаем о древней неолитической культуре - Трипольской. Через территорию Украины проходили многие волны нашествий и переселений народов. Все это запечатлено в культуре и исторической памяти украинцев. Сегодня Украина - это большая страна в центре Европы, которая в сложной политической и экономической ситуации строит свою возрожденную государственность, ищет путь в общий европейский дом, идентифицируясь с демократическими ценностями и духовным наследием многих поколений борцов за независимость. В этом контексте, аналитическая психология Юнга, с ее вниманием к духовному и психологическому развитию, к коллективному измерению психики пользуется большим интересом как среди специалистов в области психологии и психотерапии, так и среди многих культурных украинцев. В Украине существует благоприятная почва для развития юнгианского анализа.

Начало. 1999 год. В мае 1999 года в столице Украины городе Киеве состоялся семинар юнгианского аналитика Марио Якоби «Стыд и истоки самоуважения» при участии московских юнгианцев Станислава Раевского и Льва Хегая. Это событие положило начало развитию юнгианского анализа в Украине.

2000-2002. Этот семинар дал импульс внутренней работе для участников семинара и позволил организовать рабочую группу, состоящую из глубинных психологов, ориентированных на развитие в русле аналитической психологии Юнга. Инициатором регулярных встреч выступил Дмитрий Залесский.

2003 год. Интенсивные контакты Дмитрия Залесского и Юрия Данько с международным юнгианским сообществом привели к сайт-визиту Кристиана Гальера в 2003 году. Результатом было признание Киевской группы развития в составе IAAP в 2004 году. Представителем от IAAP стала аналитик из Милана Марина Конти.

2004-2007. Дальнейшее развитие Группы. Регулярные визиты юнгианских аналитиков с теоретическими семинарами и представлениями случаев позволили познакомиться с основами юнгианской теории. В этот период сформировалась идентичность группы, члены группы искали свой собственный путь в юнгианстве. Дмитрий Залесский участвовал в московской юнгианской программе. Оксана Залеская участвовала в тренинговой программе в Санкт-Петербурге, Россия, оба стали кандидатами в индивидуальные члены IAAP.

2006 год. 1-я Восточно-европейская Юнгианская школа в Киеве. Совместно с IAAP Киевская группа развития организовала 1-ю Восточно-Европейскую юнгианскую школу, которая проходила под Киевом с 29 мая по 5 августа 2006 года. Эта школа расширила наши связи с другими юнгианскими сообществами Восточной Европы, дала возможность познакомиться с множеством западных аналитиков и вкусить от разнообразия направлений современного юнгианства.

2008 год. Организация программы. Новым этапом в развитии Группы стало проведение в Киеве в августе 2008 года скрининг-интервью для индивидуального членства в IAAP. В результате еще девять членов группы стали кандидатами в индивидуальные члены IAAP, и была заложена основа для организации программы аналитического тренинга в Киеве. В ноябре этого же года стартовала супервизионная программа, супервизором стал аналитик из Лондона Ричард Уэйнрайт.

Текущее состояние... В настоящее время в состав группы входят 23 человека из разных городов Украины и России, в том числе психологи, психиатры, лингвисты. 11 человек являются рутерами IAAP. Дмитрий Залесский сдал финальный экзамен и ожидает аккредитации в качестве индивидуального члена IAAP. Осуществляются проекты по переводу и изданию юнгианской литературы. Члены группы регулярно собираются для обсуждения клинических случаев, участвуют в международных конгрессах и семинарах, развивают связи с другими аналитическими направлениями.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПАДАП. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

(доклад, прочитанный на первой конференции ПАДАП в январе 2010г.)

Залеская Оксана Владимировна

президент ПАДАП,

канд. психол.наук,

рутер IAAP,

член Киевской группы развития IAAP

Свой доклад мне бы хотелось начать с описания собственных ощущений от подготовки этой конференции. Для меня лично это некоторая черта или переход к новому пониманию и осознанию того, что я делаю в своей практике, с какими проблемами сталкиваюсь.

Когда я начинала свое профессиональное развитие в Киеве, я опиралась на опыт, полученный мною в различных образовательных программах и профессиональных сообществ. Я с благодарностью вспоминаю о программе по детской психотерапии Российско-австрийского проекта под руководством Элизабет Фрошмайер. Опыт, который позволил мне понять значение безопасного пространства, стабильности и непрерывности в работе с детьми, оценить важность детской игры и свободу в выражении чувств.

Поле дальнейшего профессионального развития для меня стал ценный опыт развития в Юнгианском сообществе в Москве, особенно в программе Анны Скавитиной по детскому психоанализу. Опыт, который позволил научиться использовать свое мышление для понимания процесса исцеления.

Удивительным и полным открытий про самых маленьких детей стал для меня опыт трехлетней работы-обучения в «Зеленой дверце», центре ранней социализации Ф. Дольто в Москве. Опыт, открывший для меня возможности слова, и понимание, что у детей «все есть язык».

Конференция подготовлена Профессиональной Ассоциацией Детских Аналитических Психологов (ПАДАП), созданной в 2006 году инициативной группой психологов закончивших первый курс по консультированию детей и подростков. Основная цель создания ассоциации – содействовать профессиональному развитию, содействие в повышении профессионального уровня специалистов в области детской аналитической психологии в соответствии с международными стандартами. Основными задачами ассоциации являются:

- создание условий для формирования психологической культуры населения, содействие психологическому просвещению в сфере психологии детства.

- распространение информации о нормах и стандартах психологической практики, формирование культуры обращения за психологической помощью
- установление международных связей с аналогичными зарубежными организациями.

В течение трех лет члены ассоциации читали открытые лекции для специалистов, для родителей, оказывали супервизионную, информационную и психотерапевтическую поддержку СОС-матерям и детям в СОС - Детская Деревня*, проводили детские праздники для детей из своих семей и семей СОС-Детской Деревни, и ежедневно принимали маленьких клиентов в своих психотерапевтических кабинетах.

Сама конференция стала для нас стимулом к обсуждению вопросов относительно того, кто мы такие в профессиональном сообществе, как нас видят другие, что сделано за несколько лет работы. Казалось бы, само название обозначает границы нашей идентичности и направления развития. Однако наши первые шаги были связаны скорее с психотерапевтической позицией и в некотором смысле эклектическим подходом.

Часто нам было трудно отстаивать процесс развития ребенка в его аналитической работе. Окружение ждет, что он изменится, быстро и желательно навсегда. Навсегда станет послушным, удобным, адаптированным ребенком. Так называемые «коррекционные ожидания», которые необходимы, потому что с детьми «что-то не так как нужно». Ребенка нужно «обтесать», встроить в систему отношений, где все определено, где требуется быть хорошим копирайтером и места буйной фантазии – просто нет [1]. В этом стремлении адаптировать ребенка мы часто не учитываем его изначальный потенциал, его внутренний толчок к развитию собственной самости.

Также мы подвержены настроениям борьбы по отношению к симптомам. Симптом – это враг, которого необходимо победить. Иногда мы сталкиваемся с большой изобретательностью бессознательного, один симптом повержен и через некоторое время возникает новый. Все эти настроения зачастую заставляют нас метаться и искать лучший метод, чудодейственную технику, которая бы избавила нас от переживания неудачи, которая быстро приносила результат, которая бы позволяла не погружаться глубоко в мир переживаний и бессознательного, оставляла нас на уровне сознания и эго-адаптации. В этом контексте уместно вспомнить слова К.Г.Юнга, который подчеркивал, что выражение: «Я знаю лучше тебя, потому что ты ребенок, а я взрослый человек» может тормозить процесс исцеления и развития личности [7].

---

* Международная организация, работающая с детьми сиротами и реализующая социально-педагогическую модель опеки, приближенную к семейной.

Но дать возможность ребенку быть таким, какой он есть, принять симптомы и пытаться понять их значение – чрезвычайно трудно для всех (родителей, терапевтов, педагогов). По мнению Винникотта, «будучи «типично человеческими» эти обычные детские симптомы (энурез, экзема, застенчивость, гиперактивность) – не отдельные аномалии в развитии детей, а неотъемлемая часть их психической жизни. В целостном контексте жизни ребенка, включающем его чувства, его место в окружающем мире, его эмоциональное состояние, симптом возникает как реальная форма самолечения ребенка» [2]. Эту возможность предлагает детский психоанализ. Основное отличие психоанализа от других методов (гештальт-терапии, игровой терапии, когнитивной терапии, поведенческой терапии, арт-терапии) в том, что важное значение имеет понимание бессознательных процессов, глубинной природы конфликта и то, что психотерапевт оказывает влияние на бессознательное ребенка путем интерпретации. Интерпретация бессознательных тревог продвигает ребенка и дает ему возможность символизировать тревогу в слове. Многие современные авторы считают, что основное влияние на развитие ребенка имеют отношения, разворачивающиеся в безопасном пространстве терапевтического кабинета [4]. «Одна из современных тенденций классического детского психоанализа – создание пространства, в котором возможно вербальное взаимодействие аналитика и ребенка начиная с трех лет без использования каких-либо игровых материалов (даже любимого всеми кукольного домика)» - говорит обучающий аналитик Аксель Халицкий, развивающий эту идею в Германии (Мюнхен). В отличие от этой точки зрения аналитические психологи по-прежнему придают большее значение пространству и использованию различных материалов стимулирующих творческую активность ребенка.

В чем же разница подходов к одной и той же проблеме: помощи ребенку в становлении его индивидуальности? Почему нам интересен юнгианский детский анализ?

Изначально Юнг считал, что проблема ребенка всегда обращает аналитика к его родителям и анализ необходим именно им для того, чтобы они не блокировали развитие ребенка. Некоторое время в юнгианстве преобладала идея того, что ребенок не является целостной индивидуальностью. «Детские неврозы - это по сути своей скорее симптомы духовного состояния родителей, нежели собственное заболевание ребенка. Психика детей лишь отчасти принадлежит им самим - по большей части она все еще зависит от психики родителей» [7]. О ребенке думали как о части матери, с которой он связан посредством «мистического соучастия», находится в состоянии слияния с ней и выходит из него через конфликт, как отмечал Юнг «сражаясь за освобождение». Многие аналитические психологи связывают этот процесс с мифологической метафорой рождения Героя (эго) и победой над драконом (образом матери). Идея слияния близка Э.Нойману.

Он предположил, что в течение первого года жизни существуют первичные отношения, в которых происходит слияние в такой степени, что мать ребёнка в действительности становится самостью ребёнка. Также эту идею поддерживал Д. В. Винникотт, который рассматривал младенца только в паре мать-дети, Маргарет Малер, которая выделяла фазу симбиоза в развитии младенца и др.

М. Фордхам, один из основателей юнгианского детского анализа, критикуя идею слияния, предположил, что на самом деле ребенок уже в утробе матери имеет опыт своей отдельности и формирует первичную самость [6]. Рождаясь, ребенок обладает самостью, отдельной от его матери, и увеличивает степень этого отделения через своё развитие. На сегодняшний день эта идея нашла подтверждение и в экспериментальных работах Д.Штерна. Поэтому сегодня аналитические психологи рассматривают ребенка как изначально выступающего равноправным участником и инициатором взаимодействия с матерью и окружением. Ребенок оказывает сильное воздействие на родителей и может иметь свои интрапсихические конфликты необусловленные их влиянием.

Важным отличием юнгианского подхода является отношение к бессознательному. Для аналитического психолога бессознательное является не только источником деструктивности и негатива, но ценностью, источником творчества и заключает в себе не только вытесненные личные переживания, но и богатство коллективных архетипических образов. В отличие от понимания бессознательного только как «склада» или «кладбища» для вытесненного (негативных, первобытно-агрессивных и сексуальных влечений, которые нуждаются в подавлении, контроле и сублимации). В юнгианской традиции бессознательное рассматривается как «бездонный колодец» организованный слоистым образом. [3] Т.е. можно говорить о том, что ближе к уровню сознания находятся образы личного бессознательного, а потом коллективные, архетипические образы. Можно предположить, что у ребенка в зависимости от возраста больше или меньше образов личного бессознательного и открыт доступ к коллективным образам. Поэтому маленькие дети любят сказки и мифологические мотивы и не пугаются самых страшных историй.

«Бессознательное никогда не отдыхает,...оно всегда за работой... бессознательное – не просто зеркальное отражение, а самостоятельная продуктивная деятельность, то сфера его опыта есть особый мир, особая реальность, о которой можно сказать, что она воздействует на нас, как мы воздействуем на нее, - точно так же мы говорим о внешнем мире как сфере опыта. И точно так же как материальные предметы являются составляющими элементами этого мира, и психические факторы составляют объекты внутреннего мира» [7].

Базисный принцип юнгианского анализа состоит в том, что любая продукция бессознательного является символической и может рассматриваться как руководящее послание. Таким образом, симптомы, да и сам невроз не только свидетельствуют о неправильном функционировании психики и лежащем в его основании конфликте, но и указывают путь выхода, через понимание их символического значения.

Следуя Юнгу, мы увидим, что различные содержания индивидуального и коллективного бессознательного находят выражения в символах живописи, скульптуры, литературы, театра, мифов и сказаний, танца, религий и других проявлений культурного наследия человечества. В юнгианском подходе подчеркивается ценность образа, навеянного сновидением, фантазией, рисунком, песочной картиной, как такового, идея того, что он несет в себе собственную энергию, основанную на связи с культурными символами и с человеческой историей.

Несмотря на то, что интерпретация также как и в классическом анализе занимает почетное место, можно отметить осторожное отношение к интерпретации в детском юнгианском анализе. Интерпретация должна «жить внутри аналитика» - обеспечивать понимание процесса и его движение. Проявление творческого воображения в присутствии аналитика без интерпретации помогает детям освобождать энергию символов и своих эмоций в критические моменты своей жизни. Важно относиться с доверием к психическим образам, которые формирует сам ребенок, побуждать их развитие и отслеживать это развитие.

В целом можно отметить, что аналитические психологи предпочитают синтетический (конструктивный) подход в интерпретации, хотя редуктивный метод (нацеленный на обнаружение инстинкта и предполагающий генетическую интерпретацию) также используется. Конструктивный подход выражается в расширении значений символов бессознательного, которое проявляется в детской игре, рисунке, песочной картине через привлечение общечеловеческого культурного опыта. Тем самым интерпретация позволяет активизировать творческий процесс и заключается в установлении связи с различными аспектами образа, который обрывает часто полярными значениями. Это и заставляет интерпретацию работать на усиление символа, а символ порождать трансформирующее влияние на клиента. «...конструктивная точка зрения пытается действовать синтетически, возвышать и направлять взгляд вперед. Она менее пессимистична, нежели редуктивная точка зрения, которая всегда чувствует нечто негодное и потому желает разложить сложное на составные части. При известных условиях может оказаться весьма необходимым разрушить болезненную конструкцию путем терапии, но по меньшей мере столь же часто (или еще чаще) показано усиливать и уберечь здоровое и ценное, чтобы таким образом выбить почву из-под ног у болезненного»[8].

Еще одним важным отличием является понимание Юнгом инцеста и истории Эдипа. Эдипальный конфликт не рассматривается как центральный, а воспринимается как один мифологический паттерн из многих. Аналитические психологи несколько иначе рассматривают возможность разрешения эдипова конфликта. Для полноценного разрешения конфликта «...необходимо чтобы ребенок осознавал, что любимый родитель отвечает ему любовью и, прежде всего, рассматривает ребенка как потенциального партнера по любви, но сообщает ему, что этого, к сожалению не может быть» (Серль) [Цит. по. А. Самюэлз «Юнг и постъюнгианцы»]. В таком случае ребенок не один перед лицом фрустрации, отказ становится взаимным и разделенным переживанием. Понятие инцеста у Юнга – это понятие символа вскрывающего и потребность в отделении от матери, отца и семейного круга (табу инцеста), и в то же время противоположное – потребность в регрессии (импульс инцеста). Символическая регрессия к матери – это стремление к регенерации или возрождению, возможно перед дальнейшим развитием (пример кризисов развития, когда ребенок становится чувствителен к вниманию матери, и стремится сделать шаг назад перед тем как продвинется на два вперед).

Подводя итоги можно сказать, что сегодня между школами существуют некоторые разногласия и конфронтации, иногда достаточно острые и конфликтные, несмотря на общее теоретическое поле и использование многих современных концепций развития разными школами психоанализа (кляйнианцы, фрейдисты, винникотианцы, лаконисты, юнгианцы). Возможно, по причине того, что конфликт и конфронтация всегда представляли интерес для юнгианцев, с 2008 по 2011 года Миланским институтом Центра Аналитической Психологии CIPA IAAP (одна из самых сильных школ детского юнгианского анализа) организован долгосрочный проект, состоящий из ежегодных Конгрессов по разным возрастным периодам детства. Цель этого проекта – стимулировать конфронтацию и дискуссии аналитиков различных теоретических школ по проблемам теории и клинической практики детского анализа. Примечательно, что юнгианцы выступают в роли инициаторов, в большей степени реализуя принцип интеграции и создания пространства диалога и совместного творчества. Сам этот импульс опирается на идеи Юнга и его последователей и является отличительной чертой юнгианского анализа как такового.

Возвращаясь к началу доклада, где я говорила о формировании нашей идентичности и векторов развития хотела бы подчеркнуть наше стремление двигаться в русле развития аналитической психологии и развивать детский юнгианский анализ, в тех традициях, которые нам предлагают зарубежные коллеги, опираясь на наш исторический и культурный опыт. Поэтому развитие детских психологов ПАДАП

непосредственно связано с жизнью Киевской группы развития Международной ассоциации аналитической психологии (IAAP).

В заключение хочется сказать, что впереди у нас много надежд, планов и новых открытий на пути становления профессиональной идентичности детских аналитических психологов.

Литература

1. Аллан Д. Ландшафт детской души. – СПб - Мн., 1997.
2. Винникотт и аналитическая психология. – М., Добросвет, 2009.
3. Грегг М. Ферс. Тайный мир рисунка. Исцеление через искусство. – СПб., 2000.
4. Лиар Д. Юнгианский детский анализ. – М., 2008.
5. А. Самюэлз: - Юнг и постъюнгианцы. – М., Черо, 1997.
6. Фордхам М. Возникновение детского анализа (статья взята с сайта <http://www.maap.ru>).
7. Юнг К.Г. Конфликты детской души. – М., 1995.
8. Юнг К.Г. Символическая жизнь. – М., 2003.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ДЕТСКОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОГО ЧУДА... ДЕТСКИЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Залеская Оксана Владимировна
президент ПАДАП,
канд. психол. наук,
рутер IAAP,
член Киевской группы развития IAAP

В статье рассматривается вопрос организации пространства, необходимого для психотерапии детей. Описывается необходимое оборудование и инструментарий необходимый для создания детского кабинета. Особое внимание уделено созданию безопасного пространства посредством обозначения правил и границ внутри детского кабинета, установлению аналитического сетинга или терапевтической рамки.

Ключевые слова: безопасное пространство, аналитический сеттинг, аналитический час, символическая оплата, конфиденциальность, переходное пространство, стабильность, сепарация, завершение.

Кабинет для детской психотерапии прежде всего должен быть безопасным (safe-place) и способствовать спонтанному самораскрытию ребенка. Детский кабинет – это определенным образом созданное пространство, которое, как правило, имеет общие черты у разных аналитиков, но также и различия, базирующиеся на том или ином теоретическом подходе и индивидуальном опыте аналитика.

Предпочтительно, чтобы кабинет был эмоционально теплым, но в тоже время необходимо, чтобы это сочеталось с удобством использования (важно чтобы кабинет легко убирался, стены и пол должны легко мыться, хорошо иметь раковину прямо в кабинете). Лучше, чтобы в кабинете не было слишком хрупких и дорогих вещей, иначе это создает ситуацию, когда терапевт «за все боится», не может обеспечить безопасность и спонтанность в терапевтическом процессе [4,5]

Мебель для кабинета должна быть удобной и функциональной. Лучше использовать открытые полки (стеллажи) для игрушек, несколько закрытых шкафчиков для хранения красок, глины пластилина и т.д., для хранения индивидуальных коробок (папок) с рисунками, поделками ребенка. Детские стол и два стула, два кресла, мольберт или доска для рисования.

Две деревянные песочницы для работы с мокрым и сухим песком. Они могут стоять на полу или при необходимости ставиться на стол.

Емкость для работы с водой (возможно таз или пластиковый контейнер).

Неотъемлемой частью безопасного пространства кабинета является аналитический сеттинг или рамка, которая несет в себе контейнирующую и структурирующую функцию. Обычно в самом начале мы знакомим ребенка с правилами времени, стабильности и оплаты. Мы говорим ему, что он будет приходить в определенное время в определенный день, и будет находиться в кабинете 45-50 минут, по окончании аналитического часа он должен будет покинуть кабинет, оставляя собственную символическую оплату. Ребенок также должен знать о гонораре, который вносят родители, - «показателе значения, которое родители придают его благополучию» [5].

Важность внимательного отношения к установлению этих границ для последующего терапевтического процесса огромна. Хочется вспомнить фрагмент из «Маленького принца»: «Маленький Принц вернулся на следующий день. «Лучше, чтобы ты приходил в одно и то же время, – сказал Лис. – Если, скажем, ты приходишь в четыре часа, уже с трех часов я буду чувствовать себя счастливым. И с каждой минутой я буду чувствовать себя все счастливее. Около четырех я буду уже взволнован и встревожен; я познаю цену счастья! А если ты будешь приходить, когда придется, я никогда не буду знать, когда мне ждать тебя и приготовиться к твоему приходу... Нужно соблюдать обряды». «А что такое обряды?» – спросил Маленький Принц. «Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. «Это то, что отличает один день от другого, один час – от других часов» [1]. Таким образом обеспечивается определенный ритуал действий, создающий стабильность и непрерывность психотерапевтического процесса.

На начальном этапе дети по-разному реагируют на эти ограничения. Некоторые говорят: «Я не уйду отсюда, буду здесь жить», «Буду ходить сюда каждый день», «Неправда, мое время еще не кончилось, мы же только начали». «А много времени еще осталось?» И нам важно терпеливо отражать и обрабатывать тревогу ребенка, связанную с расставанием учитывая его беспомощность относительно контроля времени. Время конца застает ребенка врасплох. В такой ситуации песочные часы становятся спасательным кругом. Постепенно ребенок овладевает временем благодаря стабильности, которую получает в терапевтических отношениях и тогда он, полагаясь на собственный внутренний ритм и чувство, может завершать занятие сам, не обращаясь к часам с абсолютной точностью. Его символическая оплата становится «узелками памяти» событий во время терапевтического часа. Ее можно хранить, забывать, приносить не несколько занятий вперед, подсчитывать, тем самым, выражая свою благодарность или неудовольствие в связи с этапом развития отношений. [3]

Как правило, ребенок оставляет свои работы у аналитика, который обеспечивает надежное хранение. Важным для ребенка является создание пространства-контейнера для его творческих работ и любой продукции возникающей в течение терапевтического часа. [2]. Это специальная коробочка, где хранятся поделки, фотографии и символическая оплата, и папка для рисунков. Казалось бы, что в этом такого, но вместе с тем для ребенка это репрезентация опыта защищенности и собственной ценности. По мнению юнгианского аналитика Д. Лиар «расставание с продуктом своего творчества приводит к разъединению – дифференциации, и в то же время – к признанию ценности созданного объекта» [5]. Для иллюстрации небольшой фрагмент сессии с ребенком:

Ася: «Я хочу слепить картину. Она сохранится?»

Я: «Да...Тебе хочется ее сохранить и уберечь, тревожишься, что с ней что-то случится. Я положу ее в твою коробку. Все что ты делаешь, я храню. Фотографии в твоём альбоме, рисунки в папке».

Ася: «Это хорошо, что в папке, хранится в моей папке, а покажите мне рисунок, где я руками рисовала, а то я его забыла». Я достаю рисунок.

Ася: «Красивый».

Я: «Тебе нравится».

Контейнер для продуктов творчества является частью конфиденциальности, которую аналитик обеспечивает ребенку, обещая не рассказывать родителям о том, что сообщает ему ребенок, исключая особые случаи (когда речь идет о причинении вреда себе или другим). Это всегда сложно организовать, т.к. родители хотели бы иметь представление о том, что происходит за дверью терапевтического кабинета. В самом начале важно дать возможность родителям задать множество вопросов о том, что собой представляет процесс психотерапии и как он организован. Как правило, мы просим родителей удерживаться от настоятельных расспросов ребенка и позволить ему самому решать, что и когда рассказывать. Аналитик же на родительских встречах может рассказать о процессе в целом, об его этапах, упуская из рассказа содержание сессий. Забота о конфиденциальности является важным фактором безопасности ребенка и формирования доверия в отношениях с аналитиком. Позволяет ему почувствовать ценность собственного внутреннего мира и получить опыт безопасных границ.

Чтобы обеспечить безопасность ребенку важно сообщить о том, что не разрешается причинять какой бы то ни было вред себе, аналитику и окружающим предметам. Все деструктивные желания и фантазии предлагается выражать в словах – переход к действию запрещен.

Когда безопасное пространство создано и поддерживается надежными границами, для ребенка открывается возможность экспериментировать с кабинетом как с переходным пространством, используя при этом абсолютно разные возможности.

В кабинете дети с удовольствием рисуют так, как им хочется, используя технику свободного рисунка. Изобразительные материалы необходимы для экспрессивного выражения чувств, желаний, потребностей. Они могут использоваться для выражения, как ясных осознанных чувств, так и неясных недифференцированных. Являются средством символического выражения бессознательного материала.

Многие дети предпочитают выражать себя через творческую работу с глиной и тестом. Эти материалы также можно отнести к природным, естественным. Им характерна пластичность, изменчивость. Символизируют жизненность, связь, непрерывность, грязь, созидание и разрушение. Глина открывает возможность спонтанной манипуляции и создания случайных объектов, что часто приводит к планомерной творческой деятельности. Поэтому она важна для творческого самовыражения, создания композиций, скульптур, а также для отыгрывания желания испачкаться, для снятия слишком жестких социальных запретов, для выражения чувств агрессии, боли.

Для большинства детей важна игра с песком и водой. Это также неструктурированный природный материал, пластичный, изменчивый, имеющий глубинный символический смысл и архетипическое значение. Позволяет вести как конструктивную, так и деструктивную игру. Для выражения широкого спектра чувств (агрессии, печали, радости и т.д.), особенно для зажатых детей, которым не разрешается дома испачкаться физически или психологически, т.е. им не позволено свободно проявлять свои эмоции. Используется как основа для создания композиции (песочной картины) – «своего мира». Можно строить ландшафты, горы реки, озера и т.д.

Ребенком могут использоваться такие природные материалы как: камушки, ракушки, корешки, кристаллы, кора, желуди, засушенная трава, цветы, перья, кусочки меха, шишки, каштаны, грецкий и лесной орехи, деревянные бруски. Эти материалы дают возможность контакта с природой, символизируют жизненность, связь, непрерывность. Необходимы для творческого самовыражения, создания композиций, коллажей, скульптур, стимулируют фантазию, можно использовать в работе с песком.

Используя песок в голубом ящике и множество различных миниатюрных предметов, ребенок может строить песочные композиции. Песочные картины являются отражением динамики внутреннего мира ребенка, через символическое развитие «мира» внутри песочницы. В коллекции миниатюр должны быть фигурки диких и домашних животных, разной среды обитания. Позволяют отыгрывать инстинктивные импульсы, страхи, ассоциироваться с миром животных и символически выражать конфликты и проблемы через мир и взаимоотношения животных. Дают возможность проецировать на них максимальное количество осознаваемого и

неосознаваемого материала. Многие фигурки животных приобретают глубинный символический смысл индивидуального и коллективного бессознательного. Позволяют ребенку косвенно отыгрывать конфликтный материал, играя в «семью животных». Это более безопасная возможность для ребенка выразить агрессивные чувства через «плохих зверей». Передавая ответственность за агрессию дикому животному, ребенок учится признавать свои чувства и открыто выражать их.

Важное место занимают миниатюры людей (детей, мужчин и женщин, разных профессий, с различным выражением эмоций, разного размера, возраста) и всевозможных предметов, необходимых человеку в жизни (машины, кукольный дом, дома, домашняя утварь и т.д.). Данные фигуры необходимы ребенку для реалистического выражения своих потребностей, эмоций, желаний. Позволяют ребенку отыгрывать конфликтный материал, взаимоотношений в семье, школе, детском саду, наделяя фигурки определенным символическим смыслом.

Стимулируют фантазию, являются необходимыми символами для проекции архетипических содержаний индивидуальной психики, коллективного бессознательного миниатюры, отражающие идеи различных религий и мифологии и многочисленные герои детских сказок. Нужны для создания сказочных, мифологических и религиозных сюжетов. Позволяют проецировать как негативные, так и позитивные чувства и переживания.

Многие дети с энтузиазмом используют куклы-марионетки, которые дают возможность для ребенка проиграть свои фантазии и выразить потребности и эмоции косвенно и безопасно для себя. Когда кукла одета на руку, ребенок не просто взаимодействует с помощью игрушки, а в игре создается эффект, что не ребенок действует куклой, а кукла выражает что-то с помощью ребенка. Куклы могут приобретать разное символическое значение. Важно, чтобы были куклы-люди, неопределенные куклы без лица, сказочные куклы, куклы-животные, причем как хищники, так и жертвы. Куклы можно использовать для создания спектаклей, спонтанной игры, сочинения историй и т.д.

Для многих детей важны так называемые регрессивные игрушки: соски, бутылочки с соской, плед, «шалаш», игрушечная и реальная еда (использование реальной еды зависит от установок аналитика). Все эти материалы могут провоцировать тему опеки и проявления эмоциональных потребностей и зависимостей. Позволяют обратиться к наиболее ранним травматичным переживаниям ребенка. Провоцируют регрессию, фантазии о рождении ребенка, позволяют проиграть инфантильные фантазии. Особенно необходимы и эффективны в диагностике и работе с проблемами, которые обусловлены недостаточной родительской опекой, могут использоваться в работе с запущенными страхами и как игрушки-утешители при столкновении ребенка со сложными терапевтическими или реальными ситуациями.

Как правило, в детском кабинете мы встретим полку со всевозможными костюмами и масками, которые относятся к стимулирующим игровым материалам. Они дают возможность детям примерить на себя различные роли и проиграть фантазии или сцены из реальной жизни. Это могут быть какие-то социальные роли, отражающие стремление ребенка к зрелости и самостоятельности, либо сказочные, отражающие потребность ребенка в силе и волшебстве для изменения ситуации.

Для выражения агрессивных чувств ребенок может использовать борьбу с батаками, метание дротиков, грушу, забивание гвоздей. Эти материалы провоцируют тему выражения силы, агрессии, злости, обиды, соперничества. Особое значение имеют для застенчивых, зависимых детей, для детей с сильными страхами. Дают возможность выразить подавленные агрессивные чувства социально приемлемым способом.

Большое значение играют конструктивные материалы (кубики, конструкторы). Эти материалы позволяют ребенку создавать свои конструкции, и они могут иметь креативную направленность и быть ценными сами по себе (необычная модель автомобиля, самолет и.д.), или иметь важный смысл и создаваться в контексте игровой ситуации (например, ребенок строит дом для семьи, корабль для спасения животных и т.д.). В процессе конструирования важными аспектами становятся способность к анализу, креативность, самооценка, стремление к достижению результата, принятие неудачи, ощущение самоценности, возможность разрушить и построить заново.

Итак, постепенно в кабинете разворачивается динамическая картина внутренней жизни ребенка в контексте его повседневных отношений с внешним миром. Отношения с аналитиком становятся важными, наполненными смыслом как новые формирующие отношения и как отношения переноса. Поэтому важна стабильность и регулярность встреч. Внимание к пропускам и отпускам. Детям, как правило, сложнее переносить периоды сепарации и им может помочь скрасить период разлуки открытка, посланная терапевтом, особенно когда это длительный летний отпуск [9]. Сама по себе подготовка к разлуке также имеет большое значение, детей важно предупреждать заранее, чтобы у них было время выразить свои чувства, позлиться и принять неизбежность сепарации.

В конце концов, любая психотерапия заканчивается и в детском анализе это важный этап. Завершение процесса анализа или психотерапии готовится заранее и связано с разными ритуалами, которые облегчают ребенку прощание. Как правило, на заключительном этапе, ребенок вместе с аналитиком «путешествует» по своим работам: смотрит рисунки, альбомы с фотографиями, поделки. По желанию, ребенок может забрать все что захочет, или оставить на хранение аналитику. Опираясь на символическую оплату, ребенок может регулировать количество прощальных встреч: «Я

принесу еще 10 камешков, и тогда мы попрощаемся». Иногда ребенку важно услышать, что он может вернуться, если ему это будет нужно. Особенно важно это для ребенка, когда терапия завершается без его желания и это скорее связано с желанием родителей или требованием жизненной ситуации. В подобных случаях важно предоставить ребенку не менее четырех встреч для совместной проработки неожиданной сепарации. Бывает и так, что эти встречи не удастся организовать, и тогда опять же важна открытка или письмо, которое поставит некоторую точку и оставит двери детского кабинета открытыми для возможного возвращения.

Литература

1. Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц. – М., 2007г.
2. Аллан Д. Ландшафт детской души. – СПб – Мн., 1997г.
3. Дольто Ф. Назье Ж.-Д. Ребенок зеркала. – М., 2004г.
4. Джинотт Хейм Дж. Групповая психотерапия с детьми. - М., 2001г.
5. Лиар Д. Юнгианский детский анализ. - М., 2008г.
6. Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений. - М.:1994г.
7. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. 1,2 тома. - М., 1999г
8. Штейнхард Л. Юнгианская песочная терапия. - СПб, 2001г.
9. Хан Гроен-Праккен Влияние сеттинга на ход психоанализа и психотерапии. - Московский психотерапевтический журнал, №2 1996г.
10. Экслайн В. Игровая терапия. - М., 2000г.
11. Юнг К.Г. Конфликты детской души. - М., 1995г

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРЕНОСЕ И КОНТРПЕРЕНОСЕ В ДЕТСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Кириллук Инна Николаевна,
вице-президент ПАДАП,
канд. психол. наук,
кандидат IAAP

Феномен переноса и контрпереноса всегда имеет оттенок непостижимости и очарованности так, как они связаны с опытом чувствования, ощущения и переживания и в меньшей степени с когнитивными процессами. В тоже время теоретические знания, подкрепленные позитивным и негативным клиническим опытом, говорят, о том, что без возможности мыслить и осмыслять, т.е. устанавливать дистанцию, формировать пространство «между», проживание переносных и контрпереносных чувств переходит вотреагирование . Способность осмыслять, делает этот процесс осознанным, таким, где появляется креативное начало.

Верена Каст говорит о переносе и контрпереносе, как о частном случае архитипической потребности, которые отражают «Архитип Связи»[2].

Мой доклад это попытка диалога о переносе и контрпереносе, как о «творческой связи» с бессознательным клиента в аналитической ситуации.

«Содержания, активированные переносом и контрпереносом, становятся сознательными, через творческий акт». Верена Каст (2003) [2].

Определение понятия переноса и контрпереноса.

Перенос – это специфическая иллюзия, которая развивается по отношению к другому человеку, и неизвестна субъекту. Перенос содержит черты повторения взаимоотношений со значимой фигурой из прошлого, но субъект переживает ее не как повторение прошлого, а как принадлежность настоящего по отношению к данному конкретному человеку. На спонтанную активность индивида влияет внутренний образ «Другого». В ситуации переноса аналитик становится тем внешним объектом, на который проецируется качества внутреннего объекта. (Васильева Н. Л.) [1].

Контрперенос. Мне близки слова финского аналитика Вейкко Тэхке (2001) о том, что психика аналитика – единственный для него источник знания. Максимальное понимание психики другого человека, возможно лишь через максимальное использование собственной психики, как воспринимающего, регистрирующего и делающего заключения инструмента [1].

Принятие своей психики, как резервуар знания и чувствования, делают контрперенос одним из ведущих инструментов в моей аналитической практике.

Далее я бы хотела остановиться на особенностях переноса и контрпереноса в работе детского психотерапевта.

Джейм Энтони (Anthony, 1986) считает, что явления контрпереноса чаще проявляется в работе с детьми, чем со взрослыми. Это связано с тем, что факторы, являющиеся причиной реакций контрпереноса в психотерапии детей и подростков, могут запускаться тремя источниками терапевтом, ребенком и родителями (семьей) [3].

Факторы контрпереноса, имеющие отношения к детям.

«Перенос ребенка является открытым и кажется примитивным, и все его предпочтения скорее направлены в область действия, а не вербальных ассоциаций, что побуждает терапевта к регрессивным реакциям в контрпереносе». (Kohrman, 1971) [3].

«В психотерапевтической работе с детьми психотерапевт часто встречается с либидозными и агрессивными влечениями, проявляющимися в действиях, и существует большая вероятность прямых и более глубоких личных реакций со стороны терапевта, нежели когда желания и фантазии выражаются клиентами вербально». (Schowalter, 1985) [3].

« Маленькие дети беспрепятственно прикасаются к аналитику, заглядывают под подол платья, бросаются на него или целуют, то вне зависимости от пола ребенка у терапевта провоцируются сильные реакции». (Пиен, 1983) [3].

Делая вывод о большей включенности детского терапевта в контрпереносные переживания, можно отметить некоторые факторы:

- Взаимодействие с ребенком происходит на довербальном уровне.
- Работа с примитивным и регрессивным материалом, включая примитивные защиты.
- Прямое выражение потребностей и запросов, требующих удовлетворения.
- Прямое выражение враждебных чувств и гнева.
- Прямой физический контакт.

Факторы контрпереноса, причиной которых является родители и семья.

Родители и ребенок составляют особого рода терапевтический альянс. Часто ребенку требуется поддержка со стороны родителей, которые выступают в качестве вспомогательного Эго, поэтому отношения сотрудничества родителей и терапевта делают терапию стабильной. И наоборот неосознаваемые переносные реакции родителей и контрпереносные чувства терапевта могут разрушить контейнер.

- Чувства родителей: **отстраненность и несостоятельность**, связаны с переносными чувствами идеализации терапевта. Терапевт, по их мнению, является образцовым родителем, они наделяют его качествами, которыми они хотели бы обладать сами или которые хотели видеть у собственных родителей. Идеализация вызывает у терапевта контрпереносные чувства чрезмерной ответственности или ощущение давления и контроля.

- У матери могут возникнуть **чувства неадекватности ревности и зависти**, а также ощущение того, что она конкурирует с терапевтом за преданность ребенка, в такой ситуации терапевт-женщина может попасть в ловушку материнского переноса и реагирует контрпереносам, вступая в состязания.

- Родители, не проявляющие должной заботы о своих детях, не способные эмоционально реагировать на их потребности и жестко обращающиеся с ними, **вызывают агрессию у терапевта**. Часто терапевт может не осознавать идентификацию с ребенком.

- **Чувство страха** перед прогрессивными тенденциями ребенка, угрожающими проявлению семейной патологии и неадекватности родителей, провоцирует прерывание терапии. Терапевт чувствует беспомощность и неспособность защитить ребенка, предательство.

Факторы контрпереноса, обусловлены личностью терапевта.

Опасности, с которыми встречается детский терапевт, в своем внутреннем мире:

- Высвобождение фантазий терапевта, его реакции на либидинозные и агрессивные фантазии ребенка.
- Запрет на сексуальный контрперенос. Неразрешенные эдиповы потребности и желания, могут объединяться в одно желание - быть любимым и нужным.
- Чрезмерная стимуляция детской потребности в зависимости терапевта, может проявиться в выборе работы с детьми, лишенными родительского внимания.
- Терапевт, имеющий неудовлетворенные нарциссические потребности, может развить негативный перенос, сталкиваясь с чувствами беспомощности, неполноценности, никчемности в работе с подростками.
- «Замещающий родитель», такой образ может себе приписывать терапевт с некоторыми маленькими клиентами.
- Перенос ребенка может затрагивать нереализованные в детстве желания терапевта, это проявляется в тенденции занимать оборонительную позицию, и подавлять свои чувства, быть чрезмерно требовательным, ригидным, формальным.
- Контрпереносная реакция может проявляться, когда терапевт идентифицирует себя не только со своим пациентом, но и с родителями пациента, реагируя на них так, как если бы они были его собственными родителями. Терапевт может поощрять подростка в сопротивлении авторитетным фигурам, становится на его сторону в конфликтах с родителями.
- Чрезмерная идентификация терапевта с ребенком, может приводить к отрицанию собственной агрессии и агрессии ребенка. Это может препятствовать интеграции отщепленных частей, терапевт играет роль «хорошей матери» а «плохая мать» остается за пределами терапии.
- Характер контрпереноса обуславливается образом ребенка. Например, терапевт рассматривает ребенка как «жертву» или «невиновного» и т.д.
- Угрозу нарциссизму терапевта представляют очень состоятельные родители, весьма успешные в своих профессиях или коллеги, приводящие своих детей на терапию. Трудности с контрпереносом, скорее будут возникать, когда пациент принадлежит к возрастной категории детей самого терапевта или проблемы ребенка имеют много общего с проблемами у детей терапевта, или с детскими проблемами самого терапевта.

Личность и внутренний мир терапевта, вне всякого сомнения, всегда вовлечены в процесс контрпереноса.

«Психоаналитическую психотерапию можно назвать путешествием пациента в мир фантазий в сопровождении здравомыслящего и помогающего терапевта, путешествием, позволяющим встретиться духовным началам двух людей» [3].

Литература

1. Васильева Н.Л. Теория и методология современного детского психоанализа.-СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.-160с.
2. Дискуссия вокруг переноса и контрпереноса// Опубликовано в *Controversies in Analytical Psychology* (Ed. by R.Withers), Hove&NewYork:Brunner-Routledge, 2003. П. перевод с англ., Хегай Л.А., 2007
3. Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков/ Под ред. Дж. Циантиса, А.-М. Сандлер, Д. Анастасопулоса, Б.Мартиндейла. Пер. с англ. - М.: Когито-Центр, 2005. - 145с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕСОЧНОЙ ИГРЫ

Материалы используемые в докладе Молостовой Елизаветы «Интерпретация детской игры» по статье Мартина Калфа «20 шагов к интерпретации».

Мартин Калфф задумывался о границах и символике вербальной интерпретации игры в песок. Центральной идеей песочной терапии является идея о том, что в игре в песок может быть выражена часть бессознательного человека, и таким образом невербальная ступень сознания становится осознаваемой.

Когда мы говорим об интерпретации символов и произведений песочной игры, мы должны осознать, что вербальная интерпретация образов никогда не может быть полностью исчерпывающей. Вербальная интерпретация должна быть таковой, чтобы не исчезала символичность, и, сама должна "будить образы". При интерпретации нужно избегать того, чтобы комплексное содержание игры в песок редуцировать в голые понятия и слова. Нужно заботливо считаться с внутренним миром клиента, оставлять открытыми и другие возможности для понимания.

При интерпретации важно помнить, что опыт на образном уровне всегда множественен. На это указывает и Ловенфельд, согласно которой опыт на уровне первичных ментальных систем организован в виде "гроздьев", в которых могут содержаться элементы совсем разных жизненных этапов. Это значит, что в образе может быть сгруппирован опыт дородовой фазы, раннего детства и взрослой жизни; настоящее может быть вытеснено, или наоборот, сконцентрировано. В большинстве случаев возможно узнать не более, чем часть того целого опыта, который сконцентрирован в одном образе.

Для точной интерпретации необходимо больше, чем функция мышления. Все четыре психологические функции, описанные Юнгом: мышление, чувство, ощущение, интуиция, должны действовать как одно целое. Поэтому хорошая интерпретация основывается: 1) на субъективных факторах - еле уловимых впечатлениях (например, сцена построенная в песке вызывает впечатление грусти), или на интуитивном понимании (когда к человеку приходит какое-либо предчувствие, не имеющее под собой точных оснований); 2) объективных факторах - биографии клиента, анамнезе, его высказываниях и наблюдения (например в игре использованы только фигурки животных); и наконец, на рациональных заключениях о причине использования только фигур животных. Интерпретация никогда не ограничивается сухим высказыванием об объективных фактах, а всегда включает в себя субъективные впечатления терапевта. Интерпретация - это художественная форма, в которой содержатся части как рационального так и иррационального. Интерпретации необходимы и важны для исследования и понимания; тем не менее, во время работы в песке необходимо воздерживаться от вербальной интерпретации.

Искусность интерпретации может помогать пониманию процесса игры, делать его четче и яснее. Но это понимание не должно прямо вливаться во взаимодействие с клиентом. Способность формулировать мысли о терапевтическом процессе во время занятий является второстепенной по отношению к более важной способности - умению понимать и сопровождать процессы, которые происходят у клиента. Необходимо еще раз подчеркнуть, что важнейшей задачей является создание таких условий, чтобы у клиента возникло ощущение свободного защищенного пространства.

Если подходить к интерпретации символического процесса игры с заранее намеченными установками и теоретическими концепциями, это может помешать способности терапевта быть объективным. Вместе с тем, углубление

интерпретации является правильным, но это углубление должно идти с учетом направления процесса индивидуации клиента, что с одной стороны предохраняет от ошибок, а с другой - увеличивает жизненную целительную силу у клиента.

20 шагов к интерпретации

В процессе интерпретации того или иного образа в песке, согласно М. Калффу необходимо учитывать целый ряд моментов.

1). История и актуальная внешняя ситуация

Интерпретация не может быть успешной без учета истории и актуальной внешней ситуации клиента. Так, в зависимости от специфической истории клиента, одна и та же песочная картина может иметь совершенно разное значение.

Развитие, наблюдаемое в форме образов, должно быть соотнесено с внешней ситуацией жизни клиента и с его субъективным ощущением того, как он сам себя чувствует, благополучно или неблагоприятно. Мы также должны осознавать, что изменения, которые происходят в процессе песочной терапии могут иметь характер предвидения; они могут объяснять и более поздний момент, т.е. они не объясняют прошлые, а выражают будущие изменения в жизни.

2). *Содержание часа*

Содержание должно с точностью наблюдаться. Важно отмечать:

- 1) что сказал клиент,
- 2) взаимодействия, возникающие между клиентом и терапевтом,
- 3) невербальные выражения клиента (грусть, злость, радость и др.),
- 4) переносы (обвинения, чувство тяжести или усталости, гнев и т.д.),
- 5) любые комментарии и эмоциональные реакции клиента на саму песочную игру.

Важным ключом к пониманию тех или иных игр могут быть мечты и желания клиента.

3) *Эмоции и чувства в песочных картинах*

Когда мы начинаем интерпретировать песочную картину, очень полезно исследовать наши собственные эмоции и чувства, которые в нас возникают при наблюдении за картиной. Это могут быть не только ощущения от картины в целом, но и от ее частей. Как действует на нас та или иная сцена? Мы воспринимаем ее как холодную, радостную, грустную, раздражающую, успокаивающую? Мы на нее реагируем с нетерпением, злостью, облегчением? После изучения своих реакций мы должны перепроверить, как мы себя чувствовали перед тем как видели песочную картину и должны эти ощущения соотнести с нашей собственной жизненной ситуацией и историей. Это помогает осознать собственные проекции и контрпереносы. Чтобы исключить свои собственные проекции мы должны сравнить свои эмоциональные реакции с чувствами, которые были у клиента при создании образа.

4) *Использование пространства*

Важно обращать внимание на то, как используется пространство: является ли песочная картина полной или пустой; используется ли площадка равномерно; есть ли в ней пустые половины или участки. Очень полная песочная картина могла бы указывать на бессознательную чрезмерную активность. Пустые картины могут указывать на депрессию или на недостаток внутренней энергии. В то же время пустые картины, по типу и способу представления, могут выражать внутреннюю ясность, спокойствие или пустоту (пустоту не в отрицательном смысле, а наподобие стертого пятна на старой картине с целью создать новый образ).

Повторяющиеся пустые половины или участки песочницы в следующих друг за другом играх могут указывать на глубокую внутреннюю неуравновешенность и неспособность представить и выразить угрожающий или болезненный внутренний опыт.

Чрезмерно застенчивые лица с низким самоуважением, часто выбирают маленькие участки ящика. В целом, желательнее последовательно наблюдать ряд, идущих друг за другом песочных картин, чтобы понять как меняется и развивается использование пространства.

5) *Использование и выбор песка*

Нужно отмечать, какой песок выбирается: сухой или мокрый. Иногда мокрый песок может восприниматься как грязный и вызывать неприятные ощущения, или же он может восприниматься так, что с ним весело играть, в отличие от сухого песка, который не может приобрести стойкую форму и имеет текучий характер. В процессе игры следует наблюдать за тем, остается ли песок нетронутым или же он приобретает форму, утрамбовывается, или используется для того, чтобы вызвать определенные тактильные ощущения. Нежелание трогать и формовать песок может указывать на страх быть бессознательно вовлеченным во что-либо или на трудности выстраивания отношений с телесной стороной жизни. Плотное утрамбовывание песка имеет отношение к потребности контролировать свои чувства или быть вынужденным контролировать их из-за страха перед бессознательным вовлечением во что-нибудь.

6) *Основные формы в песке и устанавливание фигур*

Важно наблюдать за тем какие формы преобладают. Округлые песочные формы могут показывать скорее на чувственную женскую манеру клиента, а геометрические, точно структурированные формы указывают на преобладание мужских или интеллектуальных ценностей. Эти формы могут вырабатываться направленно или возникать случайно, что говорит о наличии или отсутствии воли и намерения или о напряжении/расслаблении человека.

Некоторые песочные формы могут напоминать формы тела или внутренних органов человека. Это может указывать на ту телесную плоскость, которая затронута в данном процессе.

Аналогично, при рассмотрении картины мы должны наблюдать за использованием фигур игрушек, за тем, как они упорядочены (например, распределены ли они в пространстве свободно или упорядочены по строгим геометрическим линиям).

7) *Доминантные цвета*

Необходимо наблюдать за тем, какие цвета преобладают в игре. Богатство цветов обозначает жизненность, отсутствие цветов - уход вовнутрь или депрессию.

8) *Использование голубого дня*

Дно представляет воду. Следует наблюдать за тем, доходит ли до этой линии пациент, когда отодвигает в сторону песок. Когда он делает это слишком долго, это выражает страх "зайти слишком далеко" в бессознательное. Но когда с самого начала подбирается к самому дну, это может указывать на доступ к глубоко лежащей энергетической питательной стороне. Также нужно наблюдать за тем, используется ли плоскость воды как вода, или же рядом с рыбами ставятся дома, деревья, так, что граница вода-земля - исчезает. Иногда животные или объекты, которые принадлежат к воде, помещаются на сушу или мимо воды. Это может свидетельствовать о том, что способность к различению у клиента недостаточно развита.

Голубое дно иногда может использоваться совершенно другим способом, например как очень чистая (стерильная) поверхность, сравниваемая с больничным помещением. Как эти возможности использования дна интерпретировать - в большей степени зависит от контекста.

9) *Использование фигурок*

Здесь надо отметить используются ли фигуры или нет. Если да, то нужно определить, отбирает ли клиент фигуры, принадлежащие к определенной категории. Важно отмечать используются ли, например, только человеческие фигуры, без животных, или все они - женского рода, или все - дружелюбные. Появление или исчезновение растительности также может быть важным показателем внутреннего состояния клиента. Например, появление зеленой растительности после рядов картин без таковой, может свидетельствовать об увеличении жизненных, витальных сил у клиента.

Избегание использования фигур и постановка абстрактных форм на песке могут быть во многих случаях признаком сопротивления, особенно если это так в течение всего процесса. Игнорирование фигур также может иметь и другое основание. Некоторые глубокие внутренние слои сознания имеют скорее абстрактную природу и клиент их может хотеть выразить без фигур.

10) *Расположение фигур внутри пространства*

Некоторые терапевты связывают разные углы ящика с определенными значениями. Например, говорят о материнских и отцовских углах и т.д. и потом интерпретируют события, которые происходят в каком-либо углу. М. Калфф считает, что этот способ интерпретации должен использоваться с оговорками.

По его мнению, интерпретацию песочной картины надо начинать с дальней стороны и прийти ближней стороне, а не просто говорить о верхней и нижней стороне. Вещи, которые клиент ставит далеко от себя, в отличие от близкорасположенных, можно понимать как находящиеся дальше от сознания играющего с песком. При этом нужно отмечать находится ли клиент на одном и том же месте, или, что особенно свойственно детям, меняет свою позицию около ящика.

Также имеет значение, что находится на противоположных сторонах диагонали ящика (это наибольшее пространственное расстояние между двумя объектами в этом ящике). Фигуры, расположенные таким образом иногда иллюстрируют противоположные качества самого клиента.

11) *Степень дифференциации*

Степень дифференциации картины можно рассматривать как указание на степень и интенсивность развития "Я". Степень дифференциации может быть разная: от беспорядочно расположенных фигур (сцены драки, борьба в которой непонятно кто против кого сражается) к хорошо организованному картинам с ясными границами. Картина зоопарка может указывать на позитивную дифференцировку инстинктов и соответствующую ей силу "Я".

12) *Отношения фигур между собой и фигур к частям поля*

Очень важно, находятся ли отобранные фигуры во взаимоотношениях друг с другом, взаимодействуют ли, или стоят одиноко, отдельно друг от друга. Это может указывать, во-первых, на чувства клиента к другим людям или, во-вторых, на то как он связывает отдельные внутренние элементы сознания. Кроме того, способ выражения отношений может указывать на то, какая форма взаимоотношений (мама-ребенок, отец-ребенок, женское-мужское, человек-животное, доминантность-подчинение, дружба-агрессия, и т.д.) превалирует и как меняется во время процесса.

Также мы должны наблюдать за взаимоотношением различных частей картины. У людей с сильно расстроенной психикой части картины, которые не имеют друг к другу никакого отношения - часто оказываются близкорасположенными.

Другой аспект связи выражается в использовании мостов. Нужно не только заметить использование мостов, но и то, связывают ли мосты что-то с чем-то, или они поставлены без очевидной функции. Мосты, которые связывают одинаковые части (предметы) могут указывать на слабую волю, неспособность или нерешительность.

13) *Изображение лиц в песке, форм и фигур из пластилина*

В процессе приобретения опыта себя важным моментом является, то, что что-то очень самобытное и личное всплывает на поверхность. Это может быть момент, когда не хватает заранее заготовленных фигур или же песок используется для изображения лица ли тела, или привносятся фигуры, которые изготовлены из других материалов.

14) *Динамическое или статическое строение картины*

Важно отметить, содержит ли картина движение (например, гарцующие лошади, дорога, по которой кто-то бежит, реки с лодками, улицы с движением и т.д.) или движение завершено или заблокировано (много лошадей в тесной улочке).

Мы должны задать себе вопрос: наблюдаем мы снова и снова закрытые системы (озеро без притока и стока, ограждения без входов и выходов и др.) или в картине существуют выходы для

накопленной энергии? Но и здесь при интерпретации необходимо учитывать качество закрытых систем и то, что в них выражается, -скорее стремление к безопасности, концентрации и ограничению; или же выражение заблокированной энергии или воспрепятствованной активности. Мы должны обращать внимание на то, является ли движение контролируемым, свободным, направленным, либо хаотическим.

15) ***Наличие объема песочных композиций***

Песок может быть использован для того, чтобы на нем что-то нарисовать (хотя могут использоваться и фигурки), т.е. создания двуразмерных картин. Некоторые люди что-либо выстраивают на песке, как бы боясь перейти вверх, или вглубь, использовать третье измерение. Возможно, что главное внутреннее содержание не может быть реализовано или прожито данным способом.

16) ***Близость к сознанию***

Песочные картины можно анализировать с точки зрения их близости к сознанию, - тогда мы обращаем внимание на то, отображены ли в них сцены из повседневной жизни, или отдаленные пространства и времена или фантастический мир, который ведет к бессознательным сферам.

17) ***Интерпретация символического содержания***

Этот пункт относится к интерпретации встречающихся символических значений отдельных фигур или мотивов в песочной картине. Для этого нужно иметь основательные знания символики сказок и мифов, религий и снов. Мы должны осознавать, что каждый символ имеет два разных полюса: позитивный и негативный и между ними находится огромное количество возможных значений.

Для установления значения того или иного символа в определенной песочной игре, мы должны связать наше знание о символике

1) с конкретной песочной картиной и 2) ситуацией клиента.

На этом пути мы каждый раз должны решать какие значения символа подходят или не подходят. Символическое значение не должно применяться слепо; мы каждый раз должны перепроверять различные значения и обосновывать почему определенное значение важно для понимания картины. Все персональные ассоциации и эмоциональные реакции клиента на определенную фигуру должны восприниматься всерьез.

18) ***Интерпретация во взаимосвязи с целым процессом***

Этот пункт по мнению М. Калфа - один из самых важных. Одиночная картина может быть понята наиболее адекватным образом, если мы рассмотрим предыдущие и последующие картины. Например, большим достижением является то, что человек, после ряда неструктурированных

произведений строит хорошо упорядоченную картину. Или же очень зажатый человек, который строил ригидные картины начинает чувствовать успокоение, создавая картину, заполненную водой и всяческим хламом.

Преыдущие картины нужно хранить в памяти и сразу замечать изменения; ребенок может снова и снова строить сцены борьбы, что нас фрустрирует, поскольку мы не видим никакого прогресса. Однако более точное наблюдение поможет нам заметить развитие, когда бессмысленная и бесцельная борьба всех против всех переходит к упорядоченной битве между двумя ясноопределенными вражескими армиями, которые воюют за ясные цели.

19) *Интерпретация в смысле внутренней схемы развития*

При интерпретации нужно учитывать схему развития, которую Юнг описал как процесс индивидуации; особенно важно распознать проявление Самости. Существенным также является проявление Анимы/Анимуса и Тени.

М. Калфф советует учитывать схемы развития разных авторов (З.Фрейд, Э. Нойман, Э. Эриксон, фазы родового развития С. Грофа и др.)

20) **Интерпретация в ракурсе отношений между пациентом и терапевтом**

Песочная игра может быть зеркалом отношений между клиентом и терапевтом. Проявление Самости может быть естественным результатом тех отношений, которые развиваются в свободном защищенном пространстве. Калфф склоняется к гипотезе о том, что существует т.н. "глубокий перенос", т.е. отношение между Самостью клиента и Самостью терапевта.)

Отношения фигур друг к другу и объектов, которые находят свое выражение в игре с песком, указывают на то, как легко или тяжело они даются клиенту, как строится контакт терапевта и клиента, какое воздействие имеют сознательные и бессознательные реакции терапевта. Иногда совершенно определенные фигуры, выбранные клиентом сознательно или бессознательно -выражают качества терапевта. Эти фигуры могут быть связаны с чувствами клиента к родителям или другим значимым людям. Может быть и наоборот, -эти фигуры могут отражать свойства, противоположные свойствам терапевта. То или иное содержание песочной игры может быть понято как отражение переноса и контрпереноса.

М. Калфф считает, что список вышеописанных пунктов не претендует на полноту, а скорее помогает осознать, что существуют и другие точки зрения, которые могут представлять интерес для индивидуации. Особое значение какого-либо пункта можно установить только во взаимосвязи с целостным процессом и во взаимодействии с другими пунктами.

Литература

1. Мартин Калфф. 20 шагов к интерпретации

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

Физическое и сексуальное насилие в семье

Коваленко Елена Павловна
семейный психолог
член Киевской группы развития IААР

В статье анализируется проблема физического и сексуального насилия в семье на примере клинического случая, который показывает особенности подхода аналитической психологии в работе с травмой. Травма - это то, что объединяет всех нас, ибо каждый когда-либо в своей жизни сталкивался с ней. Если вы хотите исцелить травму, необходимо знать, что с ней нельзя делать.

Для того чтобы лучше понять глубину аналитической психологии в работе с травмой, мысли К.Юнга, в статье будет представлен древнегреческий миф, который учит нас понимать сущность травмы и который описывает её трансформацию. Мифология дает нам урок того мужества, с которым нужно встречать опасность.

Почти все дети в раннем возрасте имеют стимулирующие сексуальные контакты, варьирующиеся от направляемых любопытством, исследовательских действий маленьких мальчиков и девочек дошкольного возраста и до нерешительных, но более целенаправленных экспериментов у подростков и юношей. Такие сексуальные контакты, происходящие по обоюдному согласию, представляются скорее образовательными и способствующими росту, а не травматичными, особенно если за ними не следует суровое наказание, и они не сопровождаются выдумками о страшных последствиях.

Несчастье происходит тогда, когда сексуальная деятельность подстрекается человеком старшего возраста и превосходит способность ребенка осмыслить возникающие аффекты и конфликты или эмоционально справиться с ними. Степень тяжести травмы связана с расхождением между интенсивностью пагубных стимулов и способностью Эго ребёнка справиться с этим.

Выше сказанное влияет на то, какое значение будет иметь для ребенка сексуальный опыт и как он вплетётся в его психическое развитие и повлияет на его дальнейшее поведение.

Однако, сексуальное происшествие само по себе не является единственной, простой и непосредственной причиной возникающих трудностей. Сексуальный опыт не является изолированным событием, на нейтральном, нормальном фоне, это происходит в общем контексте

психологического развития ребенка и сложных, изменяющихся, семейных взаимодействий. Предшествующий семейный опыт сильно влияет на то, как ребенок сумеет совладать с эпизодом злоупотребления. Качество отношений, существующих между ребенком и заботящимися о нем лицами и между ребенком и обидчиком, играет столь же важную роль, как и сам сексуальный акт. И даже ещё более важную роль, в развитии последствия. Дети могут быть особенно уязвимыми перед таким злоупотреблением, если они чувствуют себя одинокими и им недостаёт адекватной заботы дома; они с готовностью реагируют на интерес и расположение со стороны других людей.

Сексуальные домогательства со стороны чужих людей в форме эскибиционизма и вуайеризма или более серьёзных действий, таких как прикосновение, объятия и ласки на детских площадках, в школьных коридорах и кинотеатрах, не могут сильно навредить ребенку, живущему в нормальной, здоровой семье. Ребенок может рассказать об инциденте родителям, получить утешение и поддержку в своём чувстве обиды и поруганной невинности и получить помощь в освоении способов самозащиты.

Злоупотребление, совершаемое членами семьи обычно более вредносы, чем злоупотребления со стороны незнакомцев. Оно подразумевает предательство и эксплуатацию ребенка теми, заботящимися людьми и авторитетными фигурами, к которым ребенок привязан и которым он вынужден доверять. Таким образом, у ребенка остаётся ещё меньше возможности искать помощи. И растёт его чувство беспомощности, одиночества и недоверия.

Внутрисемейные сексуальные домогательства редко бывают совершено новым явлением, возникающим в доселе хорошо функционировавшей семейной системе. В неблагоприятной семейной обстановке ребенок уже запрограммирован на подверженность риску и уязвимость для злоупотребления. Часто родители находятся в чрезмерно взаимозависимых и столь же взаимно неудовлетворяющих отношениях. И могут состоять во внебрачных связях и если даже их брак так явно не трещит по швам, они по крайней мере, не способны дать детям адекватную любовь и заботу.

Для случаев инцеста между родителем и ребенком, обычно характерно то, что один или оба родителя испытывают недостаток понимания и заботы со стороны партнёра, результатом чего становится одностороннее или взаимное отдаление и недостаток тепла, любовного взаимодействия. Ребенок, неизбежно чувствует отсутствие заботы, особенно со стороны того родителя, который более подавлен, замкнут или безразличен. Другой родитель и ребенок, равным образом обделённые и нуждающиеся, обращаются друг к другу в поисках любви и нежности, которые легко

физически сексуализируются. Родитель использует в своих интересах либидонозную привязанность ребёнка.

Сексуальное насилие широко распространено в очень патриархальных семьях, в которых как старшие мужчины, так и отец, посредством запугивания приводят жен и детей в беспомощное подчинение и сексуально злоупотребляют ими. Сексуальные домогательства могут сопровождаться физическим насилием. Что приводит к беспомощности матери, к формированию низкой самооценки, к депрессии и нарушениям в межличностных отношениях.

Интересно осмыслить сексуальное злоупотребление детьми в рамках эдипальной стадии развития, особенно в случае внутрисемейного инцеста. Уэлдер (1960г) отмечал эдипов комплекс как «своего рода заблаговременную репетицию будущей сексуальной роли с родителями или их заместителями в качестве объекта». В семье склонной к сексуальному злоупотреблению, между родителями не наблюдается теплых, либидонозных, удовлетворяющих отношений, которым ребёнок мог бы следовать в своей фантазии как пример. Ребёнок уже перенёс некоторую депреацию и подходит к «репетиции будущей сексуальной роли» с генитальными устремлениями, сильно подорванными постоянной жадой любви и заботы. Обычный, «здоровый» эдипов комплекс не может развиваться в таких условиях, мальчик вряд ли может обратиться с теплыми генитальными устремлениями к холодной, не эмпатичной матери; девочка ищет у отца базовой материнской заботы. Такая необеспеченность делает ребёнка уязвимым перед любыми предложениями любви и заботы.

Как сказала Анна Фрейд (1965): *«По причине своей неспособности заботиться о самих себе, дети вынуждены довольствоваться любой заботой, какую им предоставляют».*[4]

Клинический случай: «Украденное детство»

«Сны сейчас не снятся. Праздник новый год как праздник. В чудеса не верю. Фантазировать не умею. Буду продавцом одежды. Встаю рано 6-00. Ложусь поздно в 23-00 иногда и позже»...

...таким открылся для меня внутренний мир 9-ти летнего пациента, находящегося третий год в анализе, перенесшего психологическую травму.

В своей статье буду опираться на этот клинический случай и на книгу Дональда Калшеда «Внутренний мир травмы», которая отражает особенности подхода аналитической психологии в работе с травмой.

Психологическая травма – это острое разрушительное переживание, которое вызывает непереносимые душевные страдания или тревогу ребёнка.

Калшед использует слово "травма" для обозначения всякого переживания, которое вызывает непереносимые душевные страдания или

тревогу у ребенка. Переживание является "непереносимым" в том случае, когда обычных защитных мер психики, которые Фрейд обозначил как "защитный экран от стимулов", оказывается недостаточно. Травма в таком понимании - это и острое разрушительное переживание детского абьюза, о котором так часто упоминается в современной литературе. Отличительной чертой такой травмы является переживание невыразимого ужаса перед угрозой растворения "объединяющего Я" - то, что Хайнц Кохут (1977: 104) назвал "тревогой дезинтеграции".[1]

К.Юнг (1928) рассматривал травму как травматический комплекс, цитирую:

« Травматический опыт вызывает диссоциацию психического. Сам комплекс оказывается вне волевого контроля и по этой причине обладает качеством психической автономии. Собственно, такая автономия заключается во власти комплекса проявлять себя не зависимо от воли индивидуума и даже противоположно его сознательным тенденциям: утверждать себя тираническим образом над сознательным разумом. Взрыв аффекта – это полное вторжение парциальной личности, которая обрушивается на индивидуума подобна врагу или дикому животному...»

Вернемся к клиническому случаю:

Мать с сыном, обратилась за психологической помощью, с проблемой сексуального насилия в семье. На момент обращения, ребёнку было 6 лет и 4 мес., мать собирала документы в милицию. Ребенка обследовала судмедкомиссия, в заключении отмечалось продолжительная пенисно-анальная пенитрация с изменениями слизистой прямой кишки.

Из анамнеза: на данный момент семья находится в разводе (родители развелись за месяц до обнаружения инцидента). До этого ребёнок говорил маме: «Пусть папа уходит». Мама отмечала, что находила у сына синяки и кровоподтёки на теле, но на это не обращала внимание. После развода мать разрешала приходить отцу на выходные дни к ребёнку, оставляя их одних. Однажды, вернувшись с работы, она обнаруживает нижнее бельё своего ребёнка в крови. Этот факт послужил поводом к обращению в милицию.

Родители пациента находились в чрезмерно взаимозависимых и взаимонеудовлетворяющих отношениях. Отец любил выпить, изменял, проявлял жестокость и агрессию к жене, как в период беременности, так и после рождения сына. Отец долгое время (до года) не подходил к коляске своего ребенка, был безучастен и холоден в отношениях. Он целыми днями задерживался на работе и приходил выпившим. Мать до 2.5 лет воспитывала сына одна, а к трём годам вышла на работу, оставив сына на мужа и дедушку (своего отца). Мать работала без выходных, с командировками. Надо отметить, что труд её был малопродуктивным. В этот период отец начинал уделять сыну много внимания, брать с собой. В тот момент у отца появляется

друг, ребенок которого был одного возраста с моим пациентом. Друзья много времени проводили со своими сыновьями. После таких совместных прогулок, мой пациент мог приходиться с царапинами и с синяками. На вопросы матери: «Что случилось? Отвечал: «Ничего, упал, подрался...». В этом возрасте мать вспоминает, что у сына была клиническая смерть.

Жалобы матери на состояние сына: вспышки агрессии, повышенная раздражительность, расстройство сна, ночные истерики, разговоры во сне, страхи, регресс в развитии, заикание. Мама сообщает, что Денис стал просить, чтобы ему мать пела на ночь колыбельные песни.

Из наблюдений: на момент обследования отмечался регресс в развитии, манипулятивные игры с машинками (что характерно для детей трехлетнего возраста), замкнутость, нежелание идти на контакт, подозрительность. Мама беспокоилась о том, что сын должен идти в первый класс.

Несколько слов о психодинамическом развитии. Ребенок родился с асфиксией, до 7 мес. наблюдалось отставание в развитии, первые шаги в 10 м., молчал до 3,5 лет (были проблемы с речью, обращались к логопеду).

В семейной истории заметно как Денис неоднократно подвергался травматизации: неблагоприятная обстановка в семье, физическое насилие со стороны отца к матери; пьянство, садомазохистические отыгрышания, где нет места ребенку. Для ребенка в этом периоде не было как отца, так и матери.

Мать находилась рядом с ребенком и в тоже время была погружена в состояние депрессии. По мнению Андре Грина, мать, находящаяся в депрессии - мертвая мать.

Что же может стать причиной, погружающей мать в депрессию? А. Грин выделяет следующие жизненные стрессовые ситуации: обман мужа, смерть родителей, прерывание беременности, выкидыш. Эти моменты, запускающие депрессию женщины, могут передаваться из поколения в поколение - от матери к дочери.

Для описания этих случаев Грин использует термин "трансгенерационная передача".

Ребенок не знает, что заботит мать. Эмоционально отвергающая ребенка мать не может понять его и, соответственно, дать то, что ему нужно. Сложившаяся ситуация приводит к серьезным изменениям в психике ребенка, который не знает, что же на самом деле происходит. Именно в этот момент ребенок теряет всякое значение отношений с матерью, что впоследствии, в течение жизни, найдет отражение в обесценивании и потере отношений с другими людьми.

Можно резюмировать, что чувство, которое устанавливается у ребенка в самых ранних отношениях с его матерью, является базовым, на основании которого и складывается его дальнейшее взаимодействие с другими людьми. Приходя в терапию, пациенты с такими трудностями

психического функционирования не могут понять, как аналитик может помочь им в их тяжелой жизненной ситуации. Ими, как правило, владеет сильный страх формирования отношений. По этой причине они с трудом устанавливают перенос, и, если это все же происходит, то проецируют на психотерапевта образ своей депрессивной матери. Пациенты видят терапию как "мертвые отношения" и в соответствии с этими переносными условиями испытывают в анализе чувства, что происходящее в терапии есть только добавочное страдание к уже имеющемуся у них.

У таких пациентов, по мнению А.Грина образуется «черная дыра» - эмоциональная пустота, яма, такое состояние сопровождается интенсивными переживаниями тревоги.

Такая вышеописанная нами "дыра" в психике индивидуума является следствием наблюдаемого деструктивного материнского отношения к ребенку. Ребенок теряет свою мать, но не реальную, а воображаемую, и у него к матери на этом этапе не возникает ненависти, вместо нее есть только рана и боль, как реакция на душевную травму. С утратой символического объекта, осуществляющего первичный уход, теряется либидонозно-сексуальный катексис, не происходит либидонозного вложения в объект. В этот момент ребенок погружается в депрессию и перестает развиваться. Это может выражаться в сильном замедлении физического развития, особенно сказываясь на росте ребенка. Эти дети часто имеют недостаточный для них рост и вес. Такой процесс либидонозного изымания объекта матери из "головы" ребенка А.Грин называет декатексисом или психическим убийством матери ребенка.[6]

Если рассматривать случаи инцеста между родителем и ребёнком, обычно характерно то, что один или оба родителя испытывают недостаток понимания и заботы со стороны партнёра, результатом чего становится одностороннее или взаимное отдаление и недостаток тепла, любовного взаимодействия. Ребёнок, неизбежно чувствует отсутствие заботы, особенно со стороны того родителя, который более подавлен, замкнут или безразличен. Другой родитель и ребёнок, равным образом обделённые и нуждающиеся, обращаются друг к другу в поисках любви и нежности, которые легко физически сексуализируются. Родитель использует в своих интересах либидонозную привязанность ребёнка. Тем самым совершая предательство по отношению к ребенку, используя его доверие, злоупотребляя тем удовольствием, которые дети обычно получают от стимуляции эrogenных зон.

Таким образом, Денис теряет и свою мать, но не реальную, а воображаемую и своего реального отца. С утратой символического объекта осуществляющего первичный уход теряется либидонозно-сексуальный катексис, не происходит либидонозного вложения в объект.

По А. Грину, "катексис" - это то, что делает жизнь человека плохой

или хорошей, но обязательно имеющей значение. Важным моментом является также утверждение А. Грина, что человек открывает катексис только тогда, когда ощущает, что теряет его. Эта потеря катексиса, которая играет ключевую роль в формировании феномена "мертвой матери", происходит приблизительно на 8-9 месяце первого года жизни ребенка, когда формируется привязанность к матери. В этот же момент ребенок начинает узнавать фигуру отца, как третье лицо, участвующее в его отношениях с матерью. Но сам "комплекс или синдром "мертвой матери"", по мнению А. Грина, проявится значительно позже, уже в Эдиповой ситуации. В этот момент среди прочих психодинамических факторов отмечается присутствие сильного желания матери в Эдиповой констелляции. Но это желание, по мнению А. Грина, не включает в себя мать, оно имеет вложенный неизвестный объект тяжелой утраты. В этот момент у ребенка может наблюдаться компенсаторная преждевременная привязанность к отцу.

Есть еще один аспект феноменологии "мертвой матери", указанный А. Монделлом, который обязательно нужно здесь рассмотреть. Он имеет отношение к обработке аффектов. Всеми признано, что нарушение в ранних отношениях между матерью и ребенком вносит свой вклад в относительную неспособность ребенка регулировать свои аффективные реакции. Это положение базируется на том, что младенческие гомеостатические процессы регулируются совместно и ребенком и матерью. Это нарушение в регулировании аффектов может нарастать из-за асинхронности в детско-материнских отношениях, так как в соответствии с теорией Биона мать является контейнером и инициатором первоначальной детской тревоги.

Наблюдаемый у ребенка страх переживания интенсивных чувств убеждает нас в том, что его аффекты, в действительности, неконтролируемы. Если мать эмоционально недоступна для ребенка, она также дистанцирована от себя самой и от своего тела и эта диссоциация между душой и телом транслируется ребенку. Таким образом, мать доказывает свою неспособность содействовать ребенку в его переживании аффективного опыта. В этих условиях самость ребенка будет затоплена или перевернута вверх ногами.[6]

Вернемся к истории ребенка. Для пациента обследование в судебно-экспертной и дача показаний в милиции послужило повторной травматизацией (ретравматизацией). В тот момент ребенок нуждался в защите и помощи, когда рассказывал в милиции о том, как отец пугал его своим «фоксом», «лисом».

Вследствии ретравматизации у ребенка появились страхи и нежелание рисовать. Денис стал выживать и перестал жить творчески, его креативность оказалась заблокирована.

Психотерапия

Психотерапия пациентов, перенесших раннюю травму осложняется мощным

сопротивлением системы самосохранения.

В рамках психоаналитического подхода эти защиты обозначаются как «примитивные» или «диссоциативные».

Расщепление (splitting), проективная идентификация, идеализация и обесценивание, трансовые состояния, переключение между множественными центрами идентичности, деперсонализация, психическое оцепенение (намбинг- pambing).

Несмотря на то, что эти защиты являются препятствием в психотерапии и к адаптации в дальнейшей жизни пациента, Калшед, отмечает их жизнеохранную мудрость и архетипическую природу и значение.

В своих исследованиях Калшед приходит к следующему волнующему выводу:

« Травмированная психика продолжает травмировать сама себя; люди, перенесшие психическую травму, постоянно обнаруживают себя в жизненных ситуациях, в которых они подвергаются повторной травматизации ».

Травма расщепляет психику, происходит фрагментация сознания, образуются разные куски (Юнг называл отщепленными частями психики или комплексами) которые организуют себя в соответствии с определёнными архетипическими паттернами – диадами.

Наиболее типичной картиной является: регрессия одной части Эго к инфантильному периоду и одновременно прогрессия другой части Эго (ложное Я). Регрессивная часть личности обычно представлена в сновидениях в образах уязвимых, юных, невинных созданий – ребёнка или животного, которые, как правило, прячутся или испытывают стыд. Порой эта часть бывает представлена в образе домашнего животного: котёнка, щенка или птицы (Денис с началом терапии просит маму, чтобы ему купили щенка, называет его Ангелом – и мама покупает).

В то же время как прогрессирующая часть личности представлена в сновидениях образами могущественных благодетелей или злобных существ, которые защищают или преследуют.[1]

Что же расщепляет психику? Именно тревога, основанная на бессознательной фантазии, расщепляет психику, которую согласно Биону, депрессивная мать не может контейнировать.

Интересно мнение Юнга:

«Много людей пережили детьми или взрослыми травмы без того, чтобы из последних образовался невроз, в то время как у других развивается невроз... Этот вначале несколько смущающий результат сводит на нет этиологическое значение ранней сексуальной травмы, потому что, как из этого следует, совершенно безразлично, была ли травма в действительности или её не было. Опыт учит нас, что фантазии могут

воздействовать также травматически, как и произошедшие в действительности травмы» [1]

Опыт работы со взрослыми пациентами подтверждает, что фантазии которые существовали у них в детстве, столь травматичны, как и произошедший в действительности абьюз.

Юнгианский анализ даёт нам возможность понять каково интрапсихическое влияние этой травмы и найти способ лечения инцестуозной раны. Юнгианский анализ делает акцент на исследовании диадных отношений мать-дитя в раннем периоде развития.

При лечении пациентов, родители которых, не смогли должным образом выполнить свою родительскую функцию, аналитику сложно и трудно обеспечить защиту, создать доверительную обстановку, необходимую для развития терапевтического альянса и позитивного переноса. Терапевтические отношения, скорее, напоминают отношения злоумышленника и потенциального защитника или преследователя и жертвы. Натан Шварц-Салант описывает такую пару как садомазохистическую диаду. Фокусируя своё внимание на области переноса-контрпереноса.[1]

Целью психотерапии жертв психической травмы является достижение того места, где реальность не отрицается и продуктивная фантазия (воображение) сохраняет свою жизненность. Когда жертва отказывается от идентификации с отцом как агрессором. Когда пациент перестаёт быть охваченным испугом, оцепенением, чувством вины, брошенности, гнева, а на смену этим чувствам приходит горевание об утрате родителей: отца и матери, не сумевшей защитить его.

В случае с моим пациентом восстановление когнитивной сферы оказалось первичным. Через год Денис пошел в первый класс. Ему удалось пройти социализацию, он дружит в классе с одноклассниками, есть близкий друг, которого он защищает, и хотя в классе находятся мальчишки, которые время от времени поколачивают его, Денису удаётся держать отпор. Он начал посещать секцию единоборств. У Дениса появилась первая любовь.

Учится он хорошо, особенно преуспевает по математике (12 баллов), английский (9 баллов), украинский язык (7 баллов). Читает 120 слов в минуту при методисте, а с учителем 78 слов. В школе уроков рисования нет – заменили математикой, что не могло не радовать Дениса. Сам делает домашние задания, сказки не любит, любит приключения, рассказы. Денис завел дневник, в котором ведет свои личные записи.

Травма – это расщепление разума, тела и духа. Калшед задаёт вопрос – «Куда уходит дух?» И отвечает: «Живительное начало психической жизни или то, что мы называем духом, уходит, когда разум и тело разделены. Дух инкапсулируется в неких «соматических» бессознательных состояниях».[1]

Тело живёт своей жизнью – в состоянии телесного оцепенения – numbing, иммобилизации, обезболивания. И хотя Питер ходит на

единоборства, он пока не отличается хорошей координацией и умением владеть своим телом.

Изучение мира природы и мифологии позволяет нам понять решающую роль биологии и инстинктов в формировании и разрешении травмы. Мы представляем собой живой, дышащий, пульсирующий, саморегулирующийся разумный организм, а не просто сложные химические соединения. Нам необходимо идентифицироваться со своими животными корнями.[3]

Проследите ваши собственные реакции подобно тому, как вы следите за бегущим со скоростью 70 миль в час гепардом, настигающим свою жертву. Вы можете заметить, что антилопа падает замертво за миг до того рокового момента, когда гепард прыгает на нее. Это выглядит так, будто животное обречено на преждевременную гибель.

Это физиология, а не патология.

Упавшая антилопа не мертва. Хотя «снаружи» она кажется слабой и неподвижной, «изнутри» ее нервная система в результате погони по-прежнему активирована. Хотя антилопа еле дышит, ее сердце бешено сокращается. Мозг и тело продолжают получать те же самые вещества (адреналин и кортизол), которые помогали при попытке бегства.

Возможно, антилопа не будет съедена сразу. Самка гепарда может утащить свою неподвижную (почти мертвую) жертву в кусты и отправиться на поиски своих детенышей, которые прячутся где-то на безопасном расстоянии. Тем самым, появляется маленькая надежда на спасение. Временно «замороженная» антилопа имеет шанс выйти из состояния шока, сможет дрожать и трястись, чтобы разрядить большую часть энергии, удерживаемую ее нервной системой, а затем, как ни в чем, ни бывало, побежать в поисках стада.

Другая функция состояния оцепенения (или иммобилизации) – обезболивание. Если антилопа будет убита, она не почувствует боли.

Поскольку мы в известной степени являемся животными, травма – это жизненный факт.

Однако, в той мере, в какой мы представляем собой социальных животных, она не должна быть приговором жизни. Можно учиться на опыте животных, и вместо того, чтобы отбрасывать свои инстинкты, мы можем опираться на них.

Поскольку травма «заперта» в теле, в теле же нужно искать к ней доступ и путь к исцелению. В условиях настоящей поддержки тело будет разряжать блокированную энергию, подобно течению потока, несущемуся в море.[3]

Слова используются в качестве сопереживающего отражения, а не для объяснения. Не надо помогать ребенку «избавляться от его архетипических защит», мы можем лишь сострадающе быть

присутствующими по отношению к нему.

В аналитическом сеттинге при работе с травмой аналитик будет ощущать следующие контрпереносные чувства: состояние оцепенения, замороженности, брошенности, недоверия, поглощения, гнева, которые постепенно сменяются на телесные симптомы: тремор, покалывание в теле, учащённое сердцебиение, потоотделение, ощущение нехватки дыхания, удушье или боли в груди, тошнота, боли в животе, головокружение, страх потери контроля или страх сойти с ума. Это может свидетельствовать нам о том, что пациент выходит из состояния психического оцепенения (иммобилизация).

Юнг однажды сказал, что простое отреагирование травмы не представляет собой исцеляющего фактора:

«Переживание должно быть воспроизведено в присутствии врача...» (Юнг, 1928).

По-видимому, присутствие свидетеля переживания необходимо для констелляции той самой «инаковости», которая вводит в действие психику в качестве «третьего» фактора.[1]

Для того чтобы лучше понять глубину мысли Юнга, давайте обратимся к древнегреческому мифу о медузе Горгоне. Этот миф отражает сущность травмы и описывает её трансформацию.

Мифология даёт нам урок того мужества, с которым нужно встречать опасность.

Мифы напоминают нам о наших глубочайших чаяниях и открывают скрытые в нас силы и ресурсы. Они являются картой нашей истинной природы, путями, которые связывают нас друг с другом, с природой, с космосом.

Древнегреческий миф о Медузе Горгоне отражает сущность травмы.

Как повествует греческий миф, тот, кто посмотрел Медузе прямо в глаза, в тот же миг обращался в камень... и моментально застывал. Перед тем как встретиться лицом к лицу со змееволосым демоном, Персей обратился за советом к Афине. Её совет был прост: ни при каких условиях не смотреть на Горгону прямо. Послушав мудрый совет, Персей использовал свой щит как зеркало, в котором отразилась Медуза, и он смог отрубить ей голову, не превратившись в камень.

Если вы хотите исцелить травму, необходимо знать, что с ней нельзя бороться напрямую. Это может стать тяжёлым уроком. Если мы делаем ошибку, прямо конфронтируя с травмой, Травма делает с нами то, что делает Медуза.

Согласно своей природе, она превращает нас в камень, чем больше мы стараемся преодолеть травму, тем больше она затягивает нас.

Но вот что говорит миф далее.

Из раны Медузы появились два существа: Пегас, крылатый конь, и Хрисар, воин с золотым мечом. Конь является символом тела и инстинктивного знания; крылья символизируют трансформацию. Золотой меч означает проникающую истину и чистоту. Все это вместе представляет собой аспекты тех архетипических качеств и ресурсов, которые человек должен мобилизовать для исцеления от встречи с Медузой, называемую травмой.

По другой версии мифа, Персей собирает капли крови Медузы в два пузырька. Один пузырек обладает способностью убивать, а другой – возвращать умершего к жизни. Здесь нам открывается двойственная природа травмы: сначала проявляется ее разрушительная способность отнимать у жертвы способность жить и радоваться жизни. Другая сторона – парадокс травмы – ее способность трансформировать и воскрешать. Будет ли травма жестокой и карающей Горгоной, или же станет средством, позволяющим взлететь к вершинам трансформации и совершенства, зависит от того, как мы к ней подходим.

Медуза есть травма. Страх превращает нас в камень.

Травма - это то, что объединяет всех нас, ибо каждый когда-либо в своей жизни сталкивался с ней. Как и кровь из раны Медузы, травма - это дар. Из беды, какой мы ее себе представляем, травма может стать тем, чем она действительно является – природным механизмом личностной, социальной и глобальной трансформации.

Литература

1. Калшед Д., Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа: пер. с англ. – М.: Академический Проект, 2007.
2. Психоналитические термины и понятия: Словарь/ Под ред. Барнеса Э. Мура и Бернарда Д.Файна/ Пер. с англ. А.М. Боковой, И.Б. Гришпуна, А.Фильца. М.: Независимая фирма "Класс", 2000.
3. Левин П., Фредерик Э. "Пробуждение тигра — исцеление травмы. Природная способность трансформировать экстремальные переживания"
4. Фрейд А., Теория и практика детского психоанализа./Пер с англ. и нем./ М: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
5. Энциклопедия глубинной психологии Том 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие./ Пер. с нем. / Общ. ред. А.М. Боковой. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998.
6. The Dead Mother: The Work Of Andre Green, edited by Gregorio Kohon, published in association with the institute of psycho- analysis. London: Routledge, 2000.

ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ С «РАННЕЙ» ПРОБЛЕМАТИКОЙ В ДЕТСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Худякова Наталия Юрьевна
семейный психолог, канд. психол. наук,
доцент кафедры практической психологии и психотерапии
НПУ имени М.П.Драгоманова

В статье на основе клинического материала представлены этапы работы с ребенком с ранней проблематикой. Представлены и теоретически обоснованы основные этапы психотерапии, описано их содержание, проделан генетический анализ, описаны основные методы работы.

Ключевые слова: «ранняя» проблематика, негативный материнский объект, этапы психотерапевтической работы, контейнирование, эмпатическое отзеркаливание, разумные ограничения.

В статье представляется осмысление опыта психотерапевтической работы с детьми, проблемы которых коренятся в особенностях психического развития на самых ранних этапах: в младенчестве и раннем детстве. Обычно эта проблематика называется «ранней».

На первый взгляд, проблемы этих детей крайне разнообразны. Среди основных можно назвать трудности адаптации в детской среде, недостаточность мотивации, отсутствие интересов, трудности обучения, воровство, агрессивное поведение со сверстниками, учителями, родственниками, аутоагрессивное поведение, соматические симптомы. Как разнообразны и социальные условия их жизни. Эти дети как из полных, так и из неполных семей, имеют братьев и сестер или не имеют их, их семьи имеют разный уровень материального достатка. Вместе с тем, есть нечто общее в предъявляемых родителями жалобах, в результатах психодиагностики, в ходе психотерапевтической работы.

При изучении историй развития этих детей оказывается, что по той или иной причине каждый из этих детей не смог приобрести в своем младенчестве устойчивый опыт контейнирования «достаточно хорошей матерью» [3]. Также на более поздних этапах эти дети не имели опыта умеренной твердости со стороны отца. Такие особенности развития привели к выраженным трудностям в эмоциональной жизни и социальной адаптации таких детей.

Отметим, что аналитическая работа времен З. Фрейда была направлена, преимущественно, на решение проблемам пациентов, обусловленных неадекватным разрешением эдипового комплекса [8]. В последнее время психотерапевтами и психоаналитиками отмечается, что все

у большего числа пациентов основные трудности связаны с проблемами прохождения клиентом ранних стадий развития, то есть презентуют психотическую и пограничную личностную организацию. Также, в настоящее время фокус исследований все больше смещается на особенности психической жизни ребенка раннего возраста и возможности психоаналитической и психотерапевтической работы с пациентами психотического и пограничного уровня организации [4; 5; 6; 7]. Вместе с тем, лишь малое число работ посвящено исследованию аспектов психотерапевтической помощи детям с «ранней» проблематикой [1]. Таким образом, проблема особенностей психотерапевтической работы с детьми, имеющими трудности развития на доэдиповых этапах, является актуальной.

В статье на основе клинического материала представляется теоретическое понимание проблем такого ребенка и описывается процесс психотерапии.

ХОД ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Знакомство.

За помощью обратилась Валентина, мать 11-летнего Алеша (все имена изменены). Это была молодая, интересная женщина, которая выглядела напуганной, обескураженной и еле сдерживала слезы. На встречу она пришла вместе с сыном. Мальчик был высокий и тонкий, с очень прямой осанкой. Он имел отсутствующий и понурый вид, избегал контакта глаз, движения его были крайне скованы. Казалось, у него вовсе не было рук.

В беседе мама сообщила, что Алешу и его одноклассников в школе обвинили в воровстве. При разборе инцидента в кабинете у директора Алеша ничего не мог объяснить, факт воровства отрицал, и только твердил, что покончит с собой. То же самое он говорил и дома, при этом сильно плакал. В беседе со мной Алеша факт воровства отрицал, а покончить с собой действительно хотел «потому что уже не могу». Все это мальчик говорил сухо, как будто происходящее не имеет к нему прямого отношения.

Алеша принес с собой несколько своих рисунков. Эти рисунки вызвали у меня ужас. Все они отличались тщательностью, детализацией, обилием однотипных или одинаковых персонажей. На одном из них была нарисована битва фантастических жителей двух царств. Я тщетно пыталась найти на этом рисунке безопасное место, но рисунок изображал скорее отсутствие возможности выжить. Второй сюжет был нарисован на двойном тетрадном листке в клеточку, шариковой ручкой. Это была схема компьютерной игры, действующими лицами которой были малюсенькие одинаковые схематично изображенные человечки. Их было около сотни, все они находились в лабиринте с множеством этажей, различных препятствий-опасностей, среди которых были: ядовитый невидимый газ, захлопывающиеся лифты, ядовитые кристаллы, острые зубья, взрывающиеся

бомбы и прочее. Игра определено, по мнению Алеши, должна закончиться гибелью и разрушением всего и всех.

Мама сообщила, что такие рисунки являются типичными для Алеши, что он их рисует в изобилии, и на момент обращения рисование приняло характер навязчивости: мальчик даже ночью просыпался для рисования. Просыпался Алеша и от кошмарных сновидений. В одном из них один за другим в парке аттракционов погибали Алешины одноклассники. Сновидение Алеша рассказывал подробно, с ужасающими подробностями мучений детей, при этом оставался спокойным и отстраненным.

Алешины рисунки Валентину пугали, как пугал и огорчал ее тот факт, что она «совсем не может понять сына», и «уже тоже не может так жить». Среди трудностей Алеши мама также называла рассеянность, неспособность поддерживать порядок. У него отсутствовал интерес к учебе, успеваемость была низкая, а учителей Алеша боялся. Друзей у Алеши не было, он ничем не увлекался. В свободное время он рисовал или конструировал. Мальчик был крайне зависим от матери: только с ней он мог кушать, готовиться к школе, убирать дома. Невротической симптоматики у Алеши не было, но при этом он мог играть с воображаемыми предметами, боялся звуков колокольчиков и того, что в окно может заглянуть убийца.

Было принято решение провести диагностику с целью понимания Алешиных проблем, а позднее был заключен контракт на психотерапию. Валентине был рекомендован курс личной психотерапии.

История развития.

В истории Алеши есть много фактов, свидетельствующих о разобщенности семьи, о неустойчивости эмоциональных связей между супругами и между поколениями. Валентина и отец Алеши жили по соседству. Мужа Валентина не любила, но согласилась выйти замуж по непонятной для нее самой причине. По ее словам, таким способом она хотела уйти из родительской семьи. Свою мать Валентина описала, как холодную и отстраненную. Отца – как более теплого, душевного человека, но редко бывающего дома ввиду занятости на военной службе. Но и в истории самого дедушки был факт раннего (в 13 лет) ухода из родительской семьи. Он сам поехал в далекий Ленинград, где поступил в Суворовское училище. Про отца Алеши и его родителей известно крайне мало.

Алеша родился вскоре после свадьбы родителей. Валентина испытывала сложности с проявлением материнских чувств, считала более важным поддерживать чистоту и порядок, чем заботиться об эмоциональном благополучии ребенка. Практически с рождения Алеша был на искусственном вскармливании, и мать не всегда брала его на руки даже во время кормления. Валентина с сожалением вспоминала: «Я часто клала в кроватку бутылочку с молоком, а сама уходила гладить пеленки. Мне почему-то казалось, что именно так поступать правильно». В медицинской

карточке Алеши есть записи, говорящие о том, что до 3-х месяцев его развитие соответствовало возрасту. А позднее он стал отставать в физическом, эмоциональном и речевом развитии.

Когда Алеше было 3 года, родители Валентины переехали в Киев, и Валентина с сыном вскоре к ним. Мужа своего с этого времени она не видела, сначала поддерживала телефонную связь, а после прервала и ее. В результате родители Алеши развелись «по почте». Причину этих событий Валентина объяснить не может, как не может определить и своего отношения к мужу. На момент обращения Алеше об отце ничего не было известно.

Спустя некоторое время после переезда Валентина снова вышла замуж. В ходе работы ее муж присутствовал на родительских встречах, выглядел зависимым, неспособным на теплые эмоциональные отношения человеком. Работе он не препятствовал, но понять ее смысл не мог.

Домашняя жизнь и коммуникации в семье были в большей степени формальными, лишены теплоты: работа и школа по будням, выполнение домашних заданий по вечерам, ведение хозяйства по выходным. Свою воспитательную позицию Валентина оценивала, как излишне строгую. Она все время сомневалась, заслуживает ли сын определенные блага, и чаще отвечала на этот вопрос негативно. «Было какое-то существование», как говорила Валентина в ходе работы. Интерес представляет символическое изображение Алешей семьи в виде трех деревьев. Себя он изобразил в виде ивы, с большим дуплом в центре ствола, в котором живет сова. Мама на рисунке предстала в виде «пальмы, на которой не растет кокос». Папа (дедушка) был представлен «тропическим дубом, обвитым лианами».

Отметим, что теоретическому осмыслению природы трудностей таких пациентов и построению принципов их лечения уделяли в своих трудах Х. Кохут [6], О. Кернберг [4], Х. Спотниц [7]. Кроме того, понимание душевных переживаний Алеши и истории их возникновения можно произвести через призму взглядов Мелани Кляйн [5; 9].

По всей видимости, Валентина не получила достаточный опыт эмпатического отзаркаливания матерью в раннем возрасте. При этом в некоторой степени ее недостаточность была компенсирована теплыми отношениями с отцом, сформировавшимися позднее. Это давало ей возможность до некоторой степени успешно вступать в отношения, учиться, работать. Ей были доступны переживания вины, сочувствия, страх потери объекта, характерные для депрессивной позиции. Но депрессивная тревога часто оказывалась для Валентины чрезмерной, и она защищалась от нее, используя защитные механизмы, характерные для параноидно-шизоидной позиции. Отношения со своим мужем Валентина выстраивала как диадические, повторяющие отношения с материнским объектом. При появлении в семье ребенка обнаружилась очевидность невозможности выстраивания триангуляторных отношений, и брак

распался.

При рождении Алеши Валентина вновь окунулась в свой неблагоприятный ранний опыт, и вела себя холодно и отстраненно, не имея возможности контейнировать тревоги ребенка. Не имея достаточного опыта интроекции «хорошей матери», в психической структуре Алеши не сформировался стабильный «хороший объект», который служил бы основой стабильности Эго [5]. В противовес этому, «плохой объект» все время подтверждал свое существование [5]. Он принял характеристики тотальности, качества преследователя и мицения. Положение осложнялось тем, что у Алеши не было позитивного опыта общения с отцом. Отец, возможно, мог бы нести сообщение: «Жить можно даже таким образом, даже имея «плохую мать» внутри себя». Этим он смог бы предоставить возможность для идентификации с собой. Но такой возможности Алеша не получил. Эти факты обусловили крайнюю ненадежность психики ребенка.

Основными защитными механизмами, которые использовал Алеша, были расщепление, проекция, интроекция, проективная идентификация. Спасением для Алеши стала возможность выносить переполнявший психику материал агрессивного содержания на бумагу, в виде навязчивого рисования. Таких способов было недостаточно не только для творчества, но и для адаптации ребенка. В психотерапию семью привел случай неудачной попытки мальчиком пополнить свой защитный репертуар способами пополнять дефициты, используемыми другими детьми. Очевидность провала и активизация внутреннего преследователя в ситуации обвинений директором школы обнаружили близость ребенка к идее смерти.

И сын, и мать хотели внести изменения в свою жизнь и отношения. Психотерапевтическая работа длилась чуть более года, в режиме 1 встреча с ребенком в неделю и дополнительные родительские и совместные встречи. В работе выделились несколько этапов.

На начальном этапе работы, который можно назвать **этапом агрессивного хаоса**, Алеша приносил с собой много рисунков. Также рисунок мальчиком использовался, как способ коммуникации на встречах. Характерными темами для изображения были война, захват, разрушение, уничтожение. Рисунки имели схематический характер, на них могло быть до двухсот одинаковых деталей или персонажей. Герои рисованных историй погибали от отравляющего газа, «вонючего варева», опустошающих звуков, извергающихся вулканов, молний и грома. Уничтожать людей также могли различные огромные механизмы. Игры Алеши сопровождал звуками, больше похожими на шумы неживого мира, чем на человеческий голос.

Вместе с тем, в этот период появились рисунки, открывающие более глубокий пласт психической жизни. На одном из них, перерисованном несколько раз, Алеша в углу нарисовал существо, похожее на человечка с большой головой. На шее у человечка висели две большие овальные

«бусины», а в руке он держал кость с глазами и ртом. В центре была расположена схема из последовательно соединенных восьми островов. Все это напоминало маленького ребенка с признаками обеих полов, и схему его пищеварительного тракта. Другой рисунок отображал рассказ о «Планете Хало». «Корабль летит захватывать планету Хало. Хало сначала была планетой Земля. Но марсиане с расположенной рядом базы захватили ее, а их монстры насладились на Землю ядерным лучом. Из-за этого планета сначала раскололась на две части, а потом – разлетелась на куски. А после превратилась в Хало. Хало – это кольцо. Внутренняя часть кольца – это Земля, а внешняя – космический мир. Это иное нужно отцепить». Также появились рисунки, носящие общекультурный, надличностный контекст: изображение глаза в треугольнике, пирамиды.

В этот период Алеша также активно использовал песочницу. В песке он также, как на рисунках, располагал множество однотипных персонажей, в конце игры погибающих. Это были фигурки людей, роботов и механизмов. И никогда в песке не появлялись животные, дома, деревья или цветы. Персонажи игр всегда погибали от обнаруживающихся в конце игры опасностей (бомбы, яда). Как правило, в начале игры Алеша тщательно и долго расставлял игрушки в песочнице, а в конце наливал в песочницу воду и игрушки перемешивал с грязью.

Как видно, на первом этапе психотерапевтической работы происходила активная проекция психического содержания. Алеша сообщал о наличии внутри хаоса, имеющего агрессивную направленность, и приводящего к гибели. При этом агрессия только во сне могла найти внешний объект, а в реальности направлялась на разрушение Эго. Обнаруживалась история о расщеплении и последующей фрагментации, и выход из ситуации в виде сохранения структуры, имеющей внутреннюю пустоту (планета «Хало»). Обнадеживающими в прогностическом смысле были рисунки, где обнаружили зачатки Эго или «хорошего объекта» («человек и схема островов»).

На этом этапе психотерапевтического процесса я использовала приемы активного слушания. Также я отражала действия Алеши, и почти не касалась эмоциональной стороны игр и рисунков. Чаще всего я испытывала ужас, бессилие и безнадежность. В каждой из песочных картин я тщательно пыталась найти смысл и подметить хоть какие-то признаки изменений. Мне кажется особо важным то, я не теряла надежду, искала смысл и ждала изменений. И хотя в конце каждой встречи меня постигало разочарование, я снова и снова надеялась. На этом этапе я не вводила никаких ограничений Алешиной деятельности, кроме оплаты и длительности встреч. Оплату Алеша чаще забывал, или приносил ненужные обломки предметов.

На всех этапах психотерапии основной задачей было контейнирование и эмпатическое отзеркаливание. В лице психотерапевта

пациент должен был обнаруживать объект, отличный от плохого. На первом этапе отзеркаливание происходило на уровне обнаружения Алеши своего физического тела (на уровне действий).

На **втором этапе** психотерапии – **этапе выделения негативного объекта** - в рисунках и песочных работах Алеши стал все чаще появляться главный персонаж. Иногда это мог быть вождь племени, чаще - робот. Он был огромен по сравнению с остальными фигурками. Вначале этот персонаж мог действовать сообща с остальными, сражаясь с противником или опасностью отравления, затопления, съедения, взрыва. Тогда же, когда противник был побежден или обезврежен, игра заканчивалась все уничтожающим ядерным взрывом. Этот взрыв изображался в виде того, что песочница заливалась водой.

На этом же этапе Алеша отыгрывал агрессию с помощью жестокого разрезания куклы, которая изображала безжалостную женщину. А после – изображал изголодавшуюся мумию, поедавшую человеческую плоть.

На этом этапе, кроме отражений действий Алеши, я стала говорить о некоторых контрпереносных чувствах по поводу происходящего. На этом этапе мне было все тяжелее поддерживать надежду на лучшее, мне становилось все страшнее, а агрессия Алеши стала приобретать характер садистического удовольствия. Я переживала нарастающее бессилие.

К этому времени изменилась обстановка в Алешиной семье. В его матери Валентине как будто что-то оттаяло. В одном из особо трогательных сообщений Валентины, которые она писала мне между встречами, говорилось, что после ссоры мать и сын сидели, обнявшись, и плакали.

Окончание этого периода означало тем, что Алеша стал наливать в песочницу все больше воды, заполняя ее до самых краев. Казалось, он торжествовал, имея безграничную власть и используя ее только для разрушения. Тогда я решила ввести ограничения и разрешила выливать в песочницу ограниченное количество воды.

На втором этапе в психическом содержании из общего хаоса был выделен «негативный объект». Но борьба с ним неизменно приводила к уничтожению обеих сторон, поскольку «негативный объект» составлял основу психической жизни, являлся не отделимым от Эго. Эта борьба со временем обнаружила свою бесперспективность и способность к эскалации негативных переживаний. Здесь формой жизни, приносящей удовлетворение, стало «убийство плохого объекта». На этом этапе работа заключалась во введении в эмпатическое отзеркаливание контекста чувств, которые были отцеплены. Кроме того, были введены ограничения, способствующие проявлению агрессии в переносе.

С этого момента начался **третий этап работы**, который уже можно назвать **этапом формирования отношений**. Ненависть Алеши и его страх стали проявляться в переносе. Алеша стал плевать бумажками, бросаться

глиной, смог говорить о своем недовольстве мной, грозился не уйти или не прийти в следующий раз. Позднее он с восторгом открыл возможность драться батаками. Тогда же появилась первая постройка, которая не была при мне уничтожена. Она была сделана на полу из деревянных кубиков.

Со временем наряду с выражением агрессии Алеша смог переживать успех и грандиозность. Он стал показывать мне фокусы с водой и огнем. Также он выступал передо мной, как жонглер мячиками. Я же на этом этапе была восхищенным зрителем, что вполне соответствовало моим контрпереносным чувствам. Кроме того, в контрпереносе появилось чувство нежности.

Удивительным для меня был момент, когда вдруг я оказалась включена в игру мячиками. Я переживала восторг от появившейся возможности играть вместе с Алешей так, как часто матери играют мячом со своими маленькими детьми. С этого времени мы часто возвращались к игре в мяч: мы жонглировали ими, бросали или катили мяч друг другу, играли в кегли.

Песочницу Алеша больше не использовал. Единственный раз он вновь обратился к ней, и поставил в пустую песочницу могильный крест, сделанный из двух зубочисток.

Изменилась и Алешина символическая оплата: на последние встречи он приносил листочки деревьев, веточки, цветы.

Кульминацией этого этапа стал рисунок Алеша, который он рисовал фломастером на магнитной доске. При этом он необычно по-детски тоненьким и срывающимся голосом сопровождал рисунок рассказом. Это снова был план территории, часть которой была расположена под землей. Над поверхностью земли был изображен компас – ориентир. План был нарисован для меня, и в ходе рисования я двигалась от входа слева направо, в сторону выхода. В походе следовало обезопасить территорию от некоторых опасностей. В конце опасность представляла главная ядерная бомба. Эта бомба взорвалась, но теперь она была помещена в надежное хранилище, и ничто рядом не пострадало. Закончил свой рассказ Алеша, нарисовав меня снаружи у выхода. На следующей встрече Алеша играл в «Человечка-паучка», который выжил до конца встречи.

На третьем этапе психотерапевтической работы Алеша получил возможность вновь пережить свой ранний опыт в отношениях, но получать более эмпатические отклики, чем обеспечивала его мать, и приобретать (я надеюсь) опыт лучшего контейнирования. В результате стал формироваться «хороший объект», который временами стал сменять «плохой». Этот этап можно было бы назвать этапом формирования отношений. Примечательно, что именно этот этап психотерапии была особенно тяжелой для Валентины, и в противовес наращиванию силы Эго сына, она становилась более замкнутой и холодной. В результате, она

оказалась не заинтересованной в продолжении работы.

В конце работы Алеша подарил мне комнатный цветок. Этот цветок до сих пор находится у меня - мне важно осуществлять заботу о нем.

Примерно через месяц после этого рисунка мы с Алешей попрощались.

Через шесть месяцев после окончания работы я разговаривала с Валентиной по телефону. В ходе разговора она сообщила, что Алеша хранит мои письма и фотографии. Валентина отметила, что отношения с сыном у нее стали более глубокие. Общение мамы и сына больше не было ограничено уроками и порядком в комнате. Они стали играть, ходить вместе на прогулки, купили на всех велосипеды и завели собаку. Но при этом сообщила о происшествии, в ходе которого Алеша обвинял маму в непонимании его проблем и снова угрожал суицидом. Возобновить психотерапевтическую работу Валентина не захотела.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Анализ истории развития Алеши и психотерапевтической работы с ним показывает, насколько хрупкой может быть психика ребенка с ранними нарушениями, как неадаптивны могут быть их защитные механизмы. Их стратегия жизни направлена на «выживание» в крайне агрессивной внутренней и эмоционально обедненной, скупой внешней среде. Этот случай – яркая демонстрация того, как факт воровства, порицаемый в обществе, на самом деле является криком о помощи и выражением надежды на таковую страдающего ребенка: именно раскрытие факта воровства позволило обнаружить глубину страдания мальчика, его мысли о смерти и побудило семью обратиться за помощью.

Объемы внутреннего агрессивного хаоса, существующего у детей с ранней проблематикой, отсутствие «точки опоры» для жизни поражают. Обнаружение этого факта дает понимание причин проблем таких детей. Большинство детей с ранними нарушениями быстро утомляются, часто бываю раздражены, рассеяны, испытывают сложности с учебой, с самообслуживанием, самоорганизацией, в той или иной степени социально изолированы либо испытывают недостаток теплых эмоциональных взаимоотношений с окружающими. Внутреннее агрессивное и хаотическое содержание не дает возможности сосредоточиться на учебе, проявить настойчивость в достижении результатов, минимальную психическую пропитанность при трудностях. Отношение к учебе у такого ребенка пропитано безнадежностью и желанием хоть как-то защититься от невыносимых требований. Из-за внутреннего хаоса ребенок не может позаботиться о себе и своей территории: он постоянно нуждается в опеке в областях питания, наведения порядка, подготовки уроков. Выполнение

каждодневных дел, поддержание минимального внутреннего равновесия забирает все силы и занимает все время такого ребенка, как Алеша. Поэтому его жизнь со стороны кажется обедненной событиями.

Причины социальной изоляции Алеши (отсутствия у него постоянных друзей, хобби, невнимание учителей) ярко высвечиваются в сновидении мальчика об одноклассниках. Очевидно, что отношение мальчика к окружающим основано на ненависти и страхе. Подобные чувства он вызывает и у окружающих. В результате формируется определенный паттерн - замкнутый круг, основанный на проективной идентификации – в этом круге нет «хорошего объекта», а «плохой объект» подтверждает «плохость Я». Результатом такого движения происходит эскалация напряжения. Этот процесс проявлял себя в течение всей психотерапевтической работы - на первом, втором этапах в проективном материале (песочных композициях, рисунках), на третьем этапе в переносных отношениях. До психотерапевтической работы единственным выходом из этого круга с эскалацией напряжения было «разрушение» объекта и одновременное «разрушение Я».

Эта безвыходная ситуация на самом деле является типичной для детей с ранними нарушениями. Мамы таких детей зачастую предъявляют жалобы, указывающие на наличие описанного «замкнутого круга». Обычно это выглядит так, что ребенок в определенные моменты испытывает напряжение (бывает раздражен, возбужден, непослушен, оказывает пассивное сопротивление требованиям) и успокаивается только в случае, если мать «срывается», «кричит», а иногда и бьет ребенка. В результате в отношениях мать-ребенок наступает время успокоения, разрешения напряжения, после чего все повторяется снова. Похожие истории повторяются и в других областях жизни детей, в частности, в отношениях с учителями. Отцы в таких ситуациях обычно занимают отстраненную позицию либо повторяют поведение матерей. В особо тяжелых случаях, как это было у Алеши, близкие отношения кажутся ребенку и матери настолько опасными, что близости предпочитается дистанцирование, описанный замкнутый круг удерживается в зоне фантазий, и лишь изредка проявляется в поведении. Например, в случае Алеши, этот паттерн проявлялся во вспышках Валентины по поводу беспорядка в комнате сына, в ходе сцены в кабинете директора и дома после нее.

По нашему мнению, наилучшим результатом психотерапии в таких случаях является построение и закрепление иного способа взаимодействия с миром. Зачастую такая задача существенно осложняется ввиду сложности изменения этого паттерна в семейной системе. Анализ причин таких сложностей и возможностей их преодоления является перспективной задачей.

В данной же статье, при рассмотрении случая Алеши,

продемонстрирована возможность нахождения выхода из замкнутого круга. На первом этапе психотерапии внутренний хаос был объективизирован, изучен. На втором этапе был вынесен и стал подвластным взгляду извне мощный «негативный объект» и замкнутый круг агрессии и уничтожения. На третьем же этапе была обнаружена возможность для построения отношений с объектом, отличным от «негативного». Зачатки такого объекта существовали в психике мальчика (рисунок человечка и островов) и ждали своего развития. Надежда ребенка и матери на получение помощи и надежда психотерапевта на изменения были основанием для продвижений в работе.

Вместе с тем, дальнейшее развитие жизненных событий Алеши показывает всю нестабильность достигнутого положения, необходимость длительной работы по упрочению и развитию новых способов. Остается надеяться, что в будущем Алеша сможет сохранить «другой» опыт, отличный от отношений с «плохим объектом», сможет искать помощи в дальнейшем.

В завершение отметим, что на сегодняшний день обращения семей, в которых дети испытывают указанные трудности встречаются довольно часто. На наш взгляд, такая тенденция требует пристального внимания и дополнительного анализа. Но предварительно можно отметить роль объективных факторов, в частности, особенности гендерных установок в современной украинской этнокультуре. Некоторые исследования показывают, что для украинцев характерно отсутствие стереотипов маскулинности/феминности, дихотомичность которых присуща большинству этносов [2]. Ученые отмечают, что представителям украинского народа в высокой характерна эмоциональная зависимость от матери: женщине, особенно матери, исторически принадлежало почетное место во всех формах ее семейной и социальной роли.

В таком случае характерными для украинцев являются трудности сепарации от материнского объекта. Дети становятся в высокой степени зависимы от того, может ли мать стать для них «достаточно хорошей матерью», и не могут полагаться на поддержку отца в отделении от негативного материнского объекта. Особенно сложно приходится мальчикам, ввиду особой важности для их развития сепарации от матери и необходимости идентифицироваться с отцом.

В дальнейших исследованиях следует уделить внимание изучению исторических и культуральных предпосылок описанного явления, углублению понимания сложностей развития таких детей и построению адекватной психотерапевтической стратегии.

ВЫВОДЫ

Развитие личности ребенка в первую очередь обуславливается отношениями с важными для него взрослыми людьми: матерью и отцом. Условием нормального развития является достаточный опыт

контейнирования матерью и разумные ограничения со стороны отца. Недостаточность или искаженность такого опыта приводит к формированию слабости психической структуры, к недостаточности и неадекватности защитных механизмов, к преобладанию в психическом содержании и поведении деструктивных тенденций над конструктивными. Психотерапевтическая работа с такими детьми включает работу с их родителями и проходит через несколько этапов, в частности: этап агрессивного хаоса, этап выделения негативного объекта, этап формирования отношений.

Литература

1. Алан Д. Ландшафт детской души / Д. Алан. Юнгианское консультирование в школах и клиниках: пер. с англ. Ю.М. Донца / под общ. Ред В.В Зеленского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 272 с.
2. Говорун Т.В. Гендерна психологія / Т.В. Говорун, О.М. Кікінеджі: [Навч. посіб.]. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 308 с.
3. Гринберг Л. Введение в работы Биона: Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика / Л. Гринберг, Д. Сор, Э. Табак де Бьянchedi Э.: пер. с англ. – М.: «Когито-центр», 2007. – 158 с.
4. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства / О.Ф. Кернберг. Стратегии психотерапии: пер. с англ. М.И. Завалова. – М.: Класс, 2005. – 464 с.
5. Кляйн М. Развитие в психоанализе / М. Кляйн, С. Айзекс, Д. Райвери, П. Хайман // Под ред. И.Ю. Романова. – М.: Академический проект, 2001. – 512 с.
6. Кохут Х. Восстановление самости / Х. Кохут: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2002. – 316 с.
7. Спотниц Х. Современный анализ шизофренического пациента. Теория техники / Х. Спотниц: пер. с англ. – М.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – 296с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд: пер. с нем. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 605 с.
9. Хиншелвуд Р.Д. Словарь кляйнианского психоанализа / Р.Д. Хиншелвуд: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2007. – 566 с.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ РАБОТЫ С ДЕТСКОЙ ТРАВМОЙ В УСЛОВИЯХ БОЛЬНИЦЫ

Пирхал Оксана Петровна

психолог «Выдубицкого восстановительного центра»,

кандидат в Группу развития IAAP

«Ребенок плачет в символе и, следовательно, живет»

Гадини, цитирует д-ра Сатца

представляю клинический материал из моей практики в Выдубицком Восстановительном центре. В центр обратилась общественная организация – спонсоры, с просьбой оказать психологическую помощь ребенку, на которого было совершено нападение. Он находился в больнице в тяжелом состоянии. Ребенок (я буду называть его Витя) живет в небольшом городке. Вите на момент обращения было 7 лет. Его семья состоит из четырех человек: мама, папа, сестра старше Вити на 7 лет. Отец работает строителем, мама – техник. Рабочий день у родителей Вити заканчивается в 17 часов, он иногда сам приходил со школы, иногда его забирала сестра или родители. В день нападения он сам пришел из школы и не закрыл на ключ за собой дверь. В дом зашел мужчина, ранее судимый, находящийся в состоянии аффекта и совершил бессмысленное, жестокое нападение на ребенка. Вначале он избил Витю, потом нанес 9 ножевых ран и опрокинул на ребенка мебель, которая была в доме, закрыл дверь на ключ и ушел. Через 15 минут, после случившегося, пришла из школы старшая сестра, увидела из окна беспорядок в доме, перезвонила отцу. Он приехал очень быстро, выломал дверь. Витя был в сознании и сказал отцу: «Папа меня убили». В результате нападения у ребенка были повреждения легких, печени, позвоночника.

Из анамнеза ребенка . Витя, второй ребенок в семье состоящей из четырех человек. На рождении Вити настоял отец, он очень хотел этого ребенка, и сказал, что рождение сына было для него двойным подарком, сын родился на день строителя. В отличие от старшей сестры, активной и энергичной, Витя был застенчивым и тихим, плохо кушал. До 5 лет спал в кровати с родителями, из-за бытовых сложностей (семья строила дом).

Мое первое знакомство с Витей произошло в больнице через 1.5 месяца после нападения на него. Стрдание этого ребенка было так велико, что он замкнулся в себе и никак не мог вербализовать свое горе, страх и страдание.

На первом этапе работы я детально рассказывала Вите, что я детский психолог, что я лечу словами, что то, что с ним произошло – неправильно, так нельзя поступать. Что он сильный, и смог выжить. Что он испытывает

разные чувства, и я буду приходить к нему, приносить игрушки, играть с ним, разговаривать с ним. После многократного повторения таких текстов Витя обратил на меня внимание и разрешил с ним играть. У ребенка часто бывает такая установка, что он боится говорить потому, что думает : с ним такое сделали потому, что он плохой. Важно говорить ребенку, что он не виноват в том, что с ним произошло. Витя лежал в палате с одним из родителей. Там находились и другие больные дети. В таких условиях сложно создать терапевтический сеттинг. Витя был лежачим больным, мог только приподниматься на локтях. В работе с Витей я использовала игровую терапию или предлагала рисовать все, что ему хочется(спонтанный рисунок). На 1 рисунке в центре листа Витя изображает серым карандашом Дом, на который с неба падают камни. Дом без ручки на двери и у него нет основы, как будто висит в воздухе. Солнце фиолетового цвета. Рисунок показывает состояние Вити: это состояние тревоги и депрессии.

Я использовала терапевтическую рамку : приходила к нему 2 раза в неделю в одно и тоже время, независимо от больничных процедур. На кровати ребенка я расстилала коврик и выкладывала игрушки добрые и плохие, все для рисования. Предлагала ему самому решать, как это использовать. Мои усилия были направлены на создание переходного пространства, чтобы могло произойти взаимопроникновение субъективного мира ребенка и объективного мира действительности (по Д. В. Винникотту).

В условиях травмы целью психики является выживание.

Травма является тем событием, которое отбирает смысл. При травме происходит тотальное расщепление мира на черное и белое.

Психопатологические последствия травмы в полной мере обусловлены, с одной стороны, внешним событием, а с другой – психическим фактором. Внешнее травматическое событие само по себе не расщепляет психику. Внутренний психологический посредник, вызванный травмой, совершает расщепление. На следующих рисунках Витя использует пальчиковые краски. Рисунок похож на предыдущий расположением на листе. В центре листа Дом но он отличается от предыдущего тем, что появляется цвет - Дом голубого цвета как и небо, появляется ручка на двери. Дом не висит в воздухе, а расположен на земле, насыщено черного цвета. Земля на рисунке занимает большую часть листа. Появляется желтое солнце. Рисунки наглядно показывают расщепление между Эго и Самостью, что является неизбежным результатом травматического нарушения переходных процессов.

Я использую юнгианскую терминологию. Эго – это та часть психики, которая возникает в процессе взросления и созревания в отношении к внутренней и внешней реальности. Ее первичная цель и функция состоит в сотворении и сохранении сознания и поддержании личной идентичности. Самость – это психосоматическая целостность, которая состоит из сознания и бессознательного, как личного, так и коллективного.

При расщеплении мир реальности и мир воображения разделены. Соматические ощущения не могут быть осознанными. Невозможно передать телесные импульсы с помощью слов и образов.

Травмированное Эго «заколдовывается» негативной стороной примитивной амбивалентной Самости.

В терапии в условиях переноса совершаются постоянные переходы «туда» и «обратно» от бессознательного «околдовывания» к реальности. Происходит движение между проективной идентификацией или «Я» и подлинными объектными отношениями.

На следующем рисунке изображены: дом, кран, ангел, нарисованные красным карандашом. Дом нарисован схематично, без основы и пустой внутри, машина с лестницей или кран расположена выше Дома и движется влево, выше машины расположен ангел - появляются символы переходного пространства или трикстер – божество преддверия (по Д.Калшеду).

Витя проявляет агрессию, и может выражать ее приемлемым способом. В условиях медицинского учреждения сложно выражать агрессию. Я обсуждала с медицинскими работниками, как важно такому ребенку вести себя агрессивно, то есть вообще проявлять чувства и реагировать на происходящее. Ведь Вите в больнице делали много болезненных манипуляций. Медсестра (после укола) позволяла ему положить на себя паука или гада, для Вити это был способ социально приемлемо выражать агрессию. Много в поведении Вити агрессии и сопротивления доставалось его родителям. Мои рекомендации были: выдерживать эти негативные импульсы, быть контейнером разных переживаний и негативных в том числе, чтобы дать возможность выходу тех негативных переживаний, которые накапливались в Вите.

На следующем этапе работы я использую методику «Проекция».

Я попросила нарисовать место, где произошло нападение, выбрать карандаши, которые будут обозначать зло и добро. Эта разбавленная повторная травматизация добирается до боли. Но эту боль Витя смог разделить со мной и своими родителями.

Первый этап работы мы завершили на позитивном переносе. Витя несмотря на боль испытывал и выражал свои чувства и привязанность.

Следующий этап работы после месячного перерыва происходил в другой больнице реабилитации. Витя мог перемещаться с помощью коляски. Мы работали 2 раза в неделю в одно и то же время, в отдельной комнате. Эта работа больше напоминала обычную работу психотерапевта. Медицинские работники пошли навстречу моим просьбам проводить терапию в четко установленное время и дни и в отдельном кабинете. Я приносила игрушки и все материалы, которые использовались раньше. Это необходимые условия для проработки негативного переноса и сопротивления.

В начале Витя играл в игры «Кормление», «Лечение», «Домик». В этих играх проявлялось его желание заботиться, я принимала его заботу и возвращала ему, что я могу заботиться в игре о его потребностях. Игры пробуждали в нем фантазирование. Томас Огден характеризовал сферу фантазии как область, лишенную символического. Это переходная область «двойственности в единстве» является тем, что необходимо при исцелении психической травмы, как в переносе, так и во всех других отношениях, где «реальность не отрицается» и «фантазия сохраняет свою жизненность».

Потом Витя вернулся к использованию пальчиковых красок, на следующем рисунке изображено смешение красок до образования черного, грязного цвета.

На следующих сессиях он делает отпечатки и потом рвет и склеивает листы. Ярость и агрессия есть неизбежный результат соединения частей психики, до этого бывших диссоциированными.

Они представляют собой сопротивление сознания. Это сопротивление является неизбежным побочным продуктом архетипического защитного процесса. Д. Калшед пишет, что для травмированной психики ничего хуже интеграции даже и представить невозможно. Д.В. Винникотт подчеркивал решающее значение деструктивных импульсов для преодоления симбиоза с его чувством всемогущества. Ребенок расстается с основанной на всемогуществе иллюзией самодостаточности, позволяя себе испытывать любовь и ненависть. Запускается процесс сепарации/ индивидуации.

Витя рисует послания маме, папе и сестре. В центре листа расположен Дом и горизонтальная дорожка к двери с ручкой. Дом для мамы самый маленький, для отца побольше, для сестры – большой Дом украшен разноцветной иллюминацией в виде радуги и рядом с Домом дерево. Показаны взаимоотношения Вити с членами его семьи.

В последний месяц нашей с Витей работы мы готовились к расставанию. Витя играл фигурками животных с одной стороны и пауками и гадами с другой. Между ними происходили бои, животные обладали магическими возможностями. Потом появился Солдат и его Враг, между ними тоже проходили бои. В конце осталось 2 солдата, они зарезали своих мам. В детской терапии не важно интерпретировать, о чем эта игра. Кто эти солдаты и почему они совершают жестокость. Это похоже на отношения мамы и младенца. Младенец, высосав материнскую грудь, фантазирует, что уничтожил ее. В своей известной цитате Д.В. Винникотт пишет: «Привет, объект!», «Я уничтожил тебя», «Ты ценен для меня, потому что ты выжил, хотя я тебя разрушил», «Пока я тебя люблю, я буду тебя уничтожать в бессознательных фантазиях».

Я начинала свой доклад эпиграфом : «ребенок плачет в символе, значит живет». Перефразируя эти слова можно сказать, что Витя в процессе терапии смог интегрировать любовь и агрессию.

В конце терапии появились два образа: кукла с красными ногами (Витя не может ходить) и Капитошки – капелька воды, герой мультика. Принятие этих образов - задача последующих этапов развития Вити.

Литература

1. Аллан Д. Ландшафт детской души. – СПб. – Мн., 1997.
2. Винникотт Д.В. Игра и реальность. – М., 2002.
3. Винникотт Д.В. и аналитическая психология. – М., 2009. Научный редактор: Л.А. Хегай .
4. Лиар Д. Детский юнгианский анализ. – М., 2008.
5. Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений. – М., 1994.
6. Калшед Д. Внутренний мир травмы. – М., 2007.
7. Юнг К.Г. Конфликты детской души. – М., 1995.

МАЛЬЧИК «НЕ КСТАТИ»

От психотического смятения к пространству творчества

Поздеева Елена Владимировна

кандидат IAAP,

член Киевской группы развития IAAP

В докладе описан случай терапии мальчика. Его семейная ситуация являлась по своему специфической. Она повлияла как на причину обращения, так и на причину обрыва терапии. Но, все же, можно проследить, как в песочных композициях проявляется интенсивность трансферентной реактуализации и как их последовательность указывает на динамику некоторых психических процессов, которые произошли, благодаря анализу. Что помогло мальчику трансформировать свои страхи и смятение в творческие проявления.

Хочу представить вашему вниманию материал одного случая с намерением рассмотреть некоторые аспекты родительского сопротивления, приводящие к досрочному окончанию анализа. Так же, хочу показать, как в песочных композициях проявляется интенсивность трансферентной реактуализации и как их последовательность указывает нам на динамику некоторых психических процессов, которые произошли, благодаря анализу.

В своем докладе «Проблема окончания анализа», Ференци утверждает, что активная роль в вопросе об окончании анализа должна быть отведена пациенту, причем аналитик не должен упускать из виду возможность влияния бессознательного желания анализанда сохранять часть своего невроза и то, что причиной окончания может быть «истощение». Он так же подчеркивает, что пациенту должно стать понятно, что аналитик является не реальным, а фантастическим средством удовлетворения. Он связывает окончание анализа с гореванием по поводу этого открытия.

Сашу привела на консультацию бабушка по рекомендации школьного психолога. В то время ему было 8 лет. Основной жалобой были трудности в общении со сверстниками, учителями и друзьями родителей. На уроках Саша вёл себя неадекватно: мог во время урока играть в игры с воображаемыми персонажами. С детьми Саша дружил специфическим образом: он играл с ними в игры, правила которых сам устанавливал и сам же постоянно менял.

Выглядел Саша очень аккуратным и ухоженным. В процессе работы я пыталась разглядеть в его одежде привычную мальчишескую небрежность, но Саша всегда был предельно аккуратен и чист.

Сам Саша назвал свою проблему «болезнью плохого поведения». Он сказал: «Я думаю, что именно Вы сможете меня вылечить от моей болезни плохого поведения». Было очевидно, что мальчик не очень понимал, о чем говорил. О своем «диагнозе» Саша слышал от мамы и бабушки, но не понимал, чего хочет именно он, а чего от него хотят другие. А потом достаточно искренне добавил: «Я маму и бабушку толкаю потому, что они не заметили, что меня не любят, меня никто не любит».

Диагностическое интервью выявило наличие у мальчика различных соматических проблем: сердечная аритмия, сильные головные боли, а также запоры, которые устранялись с помощью клизмы.

Психологическое обследование показало, что у мальчика очень низкая самооценка. Его «Я» было недостаточно развито. Саша испытывал значительные трудности с определением собственных желаний и страдал от амбивалентных чувств, которые он не мог распознать и с которыми, естественно, не мог справиться.

Семья

Очень сложно описать его семейные отношения. Его мама вернула мне анкету по сбору анамнестических данных со словами о том, что сама запуталась в своей семейной истории.

Саша был единственным ребёнком в семье. Кормление грудью продолжалось до 3 месяцев. Во время учёбы в ВУЗе Сашина мама случайно забеременела от мужчины, с которым не хотела встречаться. По словам мамы, она вела себя в студенческие годы как «хиппи». Это выражалось в том, что она по несколько суток не приходила ночевать домой, увлекалась алкоголем и, возможно, наркотиками. Состояла на учёте у психиатра (диагноз она отказалась сообщить). Роды прошли благополучно, после чего мама стала жить с отцом ребёнка. Отца она описывает как очень неадекватного, психически больного человека. Участие отца в воспитании, по ее описанию, создавало угрозу жизни ребёнка. Когда Саше было 3 месяца,

мать сбежала от его отца и оставила ребёнка бабушке, которая заменила ему мать.

По семейной легенде, которую знает Саша, мама является его сестрой, а его настоящая мама – бабушка. И это была большая тайна их семьи. Истину старательно скрывали от всех, в том числе и от Саши.

Бабушка Саши относилась к нему очень трепетно. Она водила его в школу. Когда он ночью просыпался в туалет, звал бабушку, та вставала, одевала ему носочки, тапочки, включала свет и провожала до туалета, чтобы ему не было страшно.

Кроме бабушки с Сашей жила прабабушка, которая была его плёткой.

Мама на момент обращения жила с мужчиной, они вместе создавали какие-то компьютерные программы и очень редко куда-либо выходили. Продукты им покупала и приносила бабушка или же они заказывали их по интернету.

Мать Саши производила впечатление инфантильной, несобранной, потерявшей во времени женщины. Когда она не могла что-либо вспомнить, то очень нервничала из-за этого. Казалось, внутри у неё вот-вот случится катастрофа.

История развития

По словам бабушки, до 4 лет Саша был спокойным, безропотным ребёнком. После 4 лет бабушка стала беспокоиться, что Саша во время прогулки мог сам уходить вперед и не реагировал, когда она просила его остановиться. Бабушку пугало, что ребёнок может идти, держась за руку, только если захочет. Она охарактеризовала мальчика как ранимого, требовательного, упрямого, нежного, агрессивного, но быстро успокаивающегося при ласковом обращении.

Мы договорились, что Саша будет ходить на психотерапию. Я попросила бабушку посетить с ним невропатолога и психиатра. К психиатру она категорически отказалась идти, а к невропатологу сходила только после моих долгих уговоров. Невропатолог написала, что мальчик с трудом идёт на контакт, а в уголке аккуратно обозначила шифром диагноз «F 20.00» (параноидная шизофрения). Мы встречались с Сашей 2 раза в неделю в течение 4-х месяцев. Саша всегда приходил на сессии с желанием и радостью, никогда не пропускал. С энтузиазмом он говорил о себе. В общении со мной Саша **как будто** был открыт. Ключевое слово «будто». Чего-то важного не хватало в его описаниях. Первое время я не могла понять, чего не хватает в его грамотно выстроенных рассказах. Позже я поняла, что не хватало чувств. С удовольствием и интересом он рассказывал о своих делах. Но его удовольствие состояло в понимании, что таким образом он удерживает мой интерес. Вот только, когда начинал играть, я не понимала,

что можно делать. Создавалось впечатление, что я теряю свои собственные желания. И должна подчиниться законам его мира, в котором все в один момент может измениться. Он знает, как должно быть, а как – нет. Любые другие желания, которые не совпадали с его желаниями, раздражали Сашу, и тогда он, с трудом сдерживая раздражение, говорил: «Ну что, Вы совсем не понимаете, что должно быть так». Все было так, будто хотеть чего-то просто бессмысленно. Саша достаточно грамотно описывал свои чувства, но, казалось, он их не чувствует. Он будто бы был «обучен» говорить о них. Очень часто им употреблялось слово «кстати», по нескольку раз за предложение. «Кстати, мы будем играть, или, кстати, мы можем и кстати порисовать». Это можно было интерпретировать так, будто он обращал внимание на невозможность иметь собственные желания. Не способен был выдерживать понимание того, что у него есть собственные потребности.

При этом Саша не умел проявлять свои чувства. Он пользовался своего рода трафаретами.

То, что обычно у других людей означает проявление чувств, у него выглядело трафаретно. Чувства печали и сожаления в его мире проявлялись в виде психотического смятения. Его очень волновало, будет ли ему принадлежать хороший объект, хорошая материнская грудь или нет. И если он столкнётся с отказом, то будет вынужден с ним смириться. Несмотря на бурю негодования, бушующую у него в душе. Ему было очень сложно контролировать это чувство. Как выяснилось позже, для его семьи характерным было бороться за власть и удерживать её.

Бион говорил о таких состояниях психики, о которых невозможно думать, как о бета-элементах, не преобразованных Альфа-функцией. Когда переработка происходит, можно видеть сновидения, символизировать, а пока такая переработка не состоялась, то все переживания воспринимаются катастрофически. Возникало впечатление, что у Саши нет даже способности сообщать о своих переживаниях, ему было не с кем поговорить о том, что он является не братом своей матери, а ее сыном. Это была правда, которую взрослые скрывали от него. Эдипова ситуация была для него очень запутанной. Обычно ребёнок может быть в своих фантазиях мужем своей матери, но не её братом. Часто можно услышать, как мальчик 3-4 лет говорит, что он вырастет и женится на своей маме. Для Саши важной задачей было обрести Альфа-функцию. Без нее ему невозможно перерабатывать свои эмоциональные состояния.

Обычно для ребёнка главным объектом его фантазий, желаний, фрустраций, ненависти является его мать. Но, поскольку мать Саши оказалась недостаточно надёжной и рано его бросила, то в своих фантазиях он не мог направлять на мать свою ненависть. Он был вынужден формировать отщепленные объекты. Мне казалось, что ещё одной из центральных проблем этой семьи был страх собственной ненависти.

Довольно скоро стало ясно, что Саша большую часть времени проводил в мечтаниях. Это был его способ справляться с душевной болью и тревогами, другими словами, его психологическая защита. И действительно, ведь надо же было мальчику как-то справиться с досадой по поводу того, что ему не с кем разделить свое желание знать о себе правду! Для большинства людей характерно проявлять свои чувства. Саше будто нужно было получить разрешение на выражение чувств, характерных для большинства людей. Психологические защиты являются частью нормального развития, и каждый человек использует их. Бывают моменты в жизни любого человека, когда многое не удается. Большинство из нас, в такие моменты могут ощущать себя слабыми и никчемными. Особенно, если рядом другие, гораздо более успешные. Обычно люди стараются как-то защититься от боли, возникающей в результате таких переживаний. Мало кто из нас может долго выносить боль своих неудач. Но итоги этих переживаний могут быть различными. Кто-то после таких переживаний развивает свою личность в целом. Многие из великих учителей, мыслителей, военачальников, людей искусства и т.д. прошли через страдания и необходимость справляться с реальностью. Этот путь сложно обойти стороной, но он может привести к общему развитию личности. Для такого пути необходимо сильное Эго. Только, если человек сможет признать свою неудачу, у него появятся силы идти дальше. Должна произойти так называемая ридентификация. Она может произойти только в результате символизации того опыта, который был накоплен человеком. Но если личность со слабо развитым «Я», то выходом может стать преимущественное использование психологических защит.

Меня удивляла способность всех членов семьи находить причину проблем ребёнка вовне - в его отце – садисте, несовершенстве школьной системы в общем, и конкретных учителей школы в частности.

Вспомним, что Саша прибежал к «уходу в фантазии» как к основному способу справиться с невыносимой для него реальностью. Психологической защитой по типу «ухода в фантазии», конечно же, пользуется каждый человек. Иногда такая защита играет важную роль в развитии человека. Ведь для того, чтобы реализовать любую свою цель, необходимо вначале её представить или пометать о ней. И это весьма приятное занятие. Приятно пометать о том, как ты успешен, богат, знаменит, счастлив несмотря на дождь и слякоть. Если же такая защита становится основным способом справляться с реальностью, то проблемы неминуемы.

Было понятно, что с таким поведением Саша отставал от своих одноклассников. Он просто не решал задач развития, характерные для его возраста, погружившись в мир своих фантазий. Похоже, что так ему было легче справляться со своими тревогами, нежели в реальной жизни. Убегал в свой придуманный мир, где только он был хозяином судеб своих героев. Да, он защитился от боли своей истории, в которой для него не нашлось места ни

у папы, ни у мамы, боли неуспешности, но какой ценой! Учеба всегда представляла для Саши трудность, хотя его интеллектуальный потенциал был вполне достаточным для его возраста. По всей вероятности, уходы в фантазии мешали ему справляться с учебной программой и выстраивать адекватные отношения с одноклассниками. Эти отношения складывались очень сложно. Я никак не могла понять, какие отношения у Саши с одноклассниками, но бабушка иногда приводила его и говорила, что он не ходил в школу из-за того, что у него болела голова, так как накануне над ним издевались одноклассники. На мои вопросы, как именно они издевались, бабушка не отвечала, а Саша говорил, что это они просто так шутят над ним. В такие моменты меня поражала его неспособность разозлиться и его желание всему найти оправдание. Мне было страшно представить, какой могла бы быть его злость, разозлился он на них по-настоящему. Но когда я вспоминала его историю, мне становилось понятно, что по сравнению с тем, как поступили с ним его родители, издевательства одноклассников не представляет для него такой угрозы. Однако это защитное поведение оставалось закрытым для посторонних до тех пор, пока он не стал нарушать правила и перестал быть для всех удобным. Ведь бабушка никаких особенных подробностей его жизни и не рассказывала, кроме того, что он стал убегать от нее в четыре года. Никто просто не замечал, как мальчик все глубже и глубже погружается в избранную им психологическую защиту, находя в ней отраду и утешение. Как просто! Можно углубиться в фантазии и представить, как ты легко побеждаешь противников, как все вдруг замечают твою невероятную силу, как ты вдруг проявляешь свой недюжинный талант, и т.д. К описываемому моменту использование Сашей психологической защиты по типу «ухода в фантазии» приобрело невероятные размеры. Саша, учитывая все обстоятельства, был близок к психозу.

Вначале рассказы Саши о его семье были очень спонтанными. Иногда он начинал говорить о прабабушке, а оказывалось, что это высказывание принадлежит не ей, а бабушке. По мере того, как материал разворачивался на сессиях, становилось понятно, что он весь отражает Шашины тревоги, связанные с непониманием семейной ситуации, той путаницы, которая существовала не только объективно в их семье, но и в его голове. В течение первых сессий мы обсуждали разные ситуации, которые бывают в разных семьях. Работу затрудняло то, что бабушка категорически не хотела говорить Саше правду. Она объясняла это тем, что не сможет это сделать, т.к. нынешний гражданский муж дочери не сможет понять этого и оставит дочь. И бабушке придется жить с двумя детьми.

Хотя Саша и так знал правду: бабушка на первой сессии рассказала мне этот секрет шепотом в присутствии Саши. Было очевидно, что он с трудом делал вид, что ничего не слышит. Но у нас будто существовало

уговор, что нельзя говорить то, что является правдой. Мы говорили о страхах и о его чувствах по поводу семьи. Мы также говорили о его амбивалентных чувствах, связанных с отношениями между разными людьми. Но, казалось, что отношения со сверстниками его совершенно не беспокоят. На первых встречах Саша как будто игнорировал все мои вопросы. Он замирал и чего-то ждал. Когда проходило определённое время, он отвечал, но не прямо на поставленный вопрос, а будто загадывая мне загадки. Например, когда я спросила, как зовут его маму, он ответил, что очень любит свою мамулечку. В процессе работы он часто говорил о том, что любит свою мамулечку, когда понимал, что у него что-то не получается. Но говорил и о том, что она его не любит, что папа его не любит. Он говорил, что бывают такие люди – «не любящие». Так же выяснилось, что прабабушка бьет его плёткой. Он говорил, что он раб бабушки потому, что она бьет его плёткой. Когда я спросила, за что она его бьет, он ответил: «Плётка – она такая большая и черная.» Было очевидно, что он не понимает, за что его наказывают. Но это было естественной частью общения.

Спросила, больно ли ему, может обидно, когда она его бьёт. Он ответил, что ничего, он уже привык. Было впечатление, что он охотно может говорить о своих чувствах, когда ему хочется манипулировать, но очень сложно о них говорить в других случаях. Когда я ему говорила, что наша встреча подошла к концу, то он всячески пытался остаться, говоря: «Мне жаль, я буду грустить и скучать, разрешите мне хотя бы немного тут остаться». По мере того, как на Сашиних сессиях прорабатывалась эта амбивалентность, Саша стал говорить о своих чувствах, но это по-прежнему было для него очень сложно. Он стал играть в игры, строить песочные композиции.

Терапия с таким ребёнком связана с опасностью, что он не сможет контролировать свою тревогу. Если брать традиционную схему, то любой ребёнок получает в детстве травму. У каждого ребёнка, кроме врождённой любви есть ненависть, и, поскольку выражать эту ненависть в реальности для ребёнка небезопасно, он может реализовывать ненависть через свои фантазии. У этого ребёнка все связи с родителями были нарушены, ему куда было направлять свою ненависть.

Во время наших встреч Саша предпочитал быть инициатором игр. Ему важно было создавать правила, чтобы не нуждаться в кормлении. Он сам «брал в руки материнскую грудь» (хороший объект), и это позволяло ему не зависеть от того, придет ли хорошая материнская грудь и накормит ли его. То, в чем он нуждался в детстве, стало спорадически проявляться в его играх.

Саше доставляли большое удовольствие игры с пищами и игрушками. Во время этих игр мне казалось, что игрушки не пищат, а стонут. Казалось, таким образом он может озвучить свои страдания. Тем самым он

мог идентифицировать себя не с жертвой, а с мучителем и через такое взаимодействие переживать страдания своей Самости. Он вынужден был игнорировать свои желания из-за боли. Как мог чувствовать себя ребёнок, мама которого ушла от жизни, спрятавшись в убежище, бабушка тиранически блокирует всё, через что может просочиться правда, потому что таким образом она потеряет контроль над ситуацией. Прабабушка протестует против его существования с плёткой в руках, а отец болен.

Поначалу свою символическую оплату Саша брал у меня же в кабинете и удивлялся, почему она мне не подходит. Когда всё-таки нам удалось прояснить, что он должен приносить оплату, он долго рассказывал, что все игрушки ему дороги, и он не может ни с одной из них расстаться. Но когда я ему сказала, что его оплата будет лежать в отдельном ящике, он согласился и сразу принёс все оплаты.

Сначала в песочных композициях появилась кухня – как место обработки символической пищи. Там появилась еда. Таким образом, он сразу выразил, какой была его проблема. Это была проблема отношений маминой фигуры. Мама, в норме, обрабатывает пищу, готовит на кухне, обрабатывает и контейнирует чувства ребёнка. В этих играх он сразу смог проявить свой материнский комплекс. В первое время Саша все время готовил еду в песочнице и «кормил» меня. Складывалось впечатление, что ему очень нужно убедиться, что я сыта, и тогда он сможет рассказать мне о том, что такое быть брошенным ребёнком. И не просто сыта. В его ситуации невозможно было просто взять и наестся. Было ощущение, что что-то важное от него спрятано. Простая еда для него была недоступна, обязательно должна быть тайна, и это было похоже на Тайну его семьи. Он сразу полюбил те игрушки, которые издавали звуки. Он достаточно быстро отыскал их среди других игрушек и наслаждался звуками. Особенно ему нравилась игрушка, в которую можно было засовывать руку. Казалось, что этот язык был для него понятней, потому, что он получал отклик тогда, когда хотел его услышать, и без слов. Слова в его жизни совершенно не отражали смысл происходящего. Ведь он все время употреблял слово «кстати». «Кстати, а что мы сегодня будем делать». «Кстати, а мы будем сегодня рисовать, кстати, давайте есть котлетки, а то мы не наедемся.» Было впечатление, что это слово удерживает два контекста. У него должно быть что-то, что помогало бы ему удерживать два контекста своей жизни : контекст собственной реальности и контекст реальности его семьи. Он и брат, и сын своей матери. Эта мысль сама по себе способна породить много тревоги, тем более в голове у маленького мальчика. Отсюда его желание «накормить» меня. У него не было возможности «переваривать» чувства. Можно их только накопить и расщепить. Невозможно пережить злость, которую нельзя выразить. Он не мог, как нормальный ребёнок, злиться на

своих родителей, потому что его очень часто бросали, начиная с его рождения.

Много времени ушло на то, чтобы приблизиться к тому, чтобы Саша смог сказать, что у него есть чувство гнева, злости, ненависти. Это ему очень сложно давалось, но, вместе с тем было видно, будто он не просто произносит эти слова, а будто он их выдыхает вместе с тем напряжением, которое так долго в нем копилось, не получая ни названия, ни возможности быть высказанным.

Когда Саша рисовал «Барашка в бутылке» (тестовая методика), у него получилась такая история: «барашку живётся плохо, он думал, что может идти за стайей других барашков, но потом выяснилось, что у него нет семьи, но вообще-то есть, но нет».

В течение первых сессий Саша вообще не говорил о своих взаимоотношениях с друзьями. Все мои попытки установить связи между его чувствами и взаимоотношениями с другими людьми не имели успеха. Саша либо «не слышал» моих слов, либо игнорировал их. Например, я говорила: «Должно быть, грустно, когда мама (бабушка) или Настя (мама) не проводит с тобой столько времени, сколько тебе хочется и при этом им совсем некогда поговорить с тобой», или «Ты говоришь, что прабабушка тебя бьет, и ты не понимаешь, за что именно. Тебе, должно быть, было очень обидно, печально и одиноко». Саша просто игнорировал такие вопросы.

По словам Саши, его мама-бабушка была просто идеальной: любящей, нежной, заботливой, не ругающей его никогда и ни за что. А мама-мама, была просто идеальным другом. Другими словами, только одна сторона отношения к мамам была представлена в сознании Саши. Свои чувства недовольства или гнева он не проявлял. Но разговора о родителях, друзьях Саша сам не поддерживал никогда. Он говорил только об игре.

Примеры:

В коридоре:

Саша стал звонить в дверь, много-много раз (хотя дверь обычно открыта)

Я. - ты хотел сообщить о своем приходе?

А. - я хотел, чтобы Вы знали, что я пришел с Настей. Я хочу, чтобы Настя с нами жила и мама, а бабушки чтобы не было.

В кабинете:

А. - почему бы Вам не посадить меня за стол и не сказать, чтобы я лепил из глины

Я. - ты можешь это сделать, если хочешь.

А. - я хочу, чтобы Вы мне были как учитель.

Я. - а чему бы ты хотел научиться?

А. - как сделать так, чтобы Катя жила с нами?

Я. - ты можешь у неё спросить об этом.

А. - а психологи делают людей лучше?

Я. - все люди хорошие, но не все могут проявить это качество (Тут я вела себя так, как ведут все в его семье. Они избегают открытой агрессии. Сашу научили, что даже его папа, который представлял опасность для его жизни, просто не умеет любить).

Когда я это поняла, я дала другую интерпретацию:

Я. - Мир разный, не все люди в нем хорошие.

Саша обмяк, успокоился и стал петь песню мамонтёнка: «Я здесь, я приехал, я ей закричу, ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети»

В этот день Саша кидался от одного дела к другому, он перебегал от одного занятия, не начав его, брался за другое. Я и позже замечала, что ему сложно справиться с эмоциональным возбуждением, когда рядом присутствует его настоящая мама. Он очень был эмоционально включен в свою мать, а она в него – нет. Это напоминало соприкосновение с чем-то мертвым.

Саша очень ревностно относился, если видел, что в кабинете кроме него, были другие дети.

А. - у вас что, была сварка, почему все рассыпано? Да, я теперь все больше и больше убеждаюсь, в том, что все дети непорядочные.

Я.- ты разочарован, что тут бывают и другие дети? Ты хотел бы, чтобы я принадлежала только тебе?

А Конечно нет, я в жизни не мог бы такого подумать.

Я. Когда мы сталкиваемся с тем, что ты чем-то недоволен, оказывается, что ты ничего такого не чувствуешь.

А. да, я один раз рассыпал и меня бабушка била плёткой. Я боюсь.

Я. А чего ты боишься сейчас?

А. что бабушка меня сюда больше не приведёт

Спустя некоторое время Саша стал более активным, что, естественно в первую очередь выразилось в том, что он стал более агрессивным и стал больше говорить о своих желаниях бабушке. В его играх и рассказах стали появляться люди. Он уже не только меня «кормил», а мог организовать целый коллектив. Но пока роли в этом коллективе не были четко определены. То это была семья, тут же, она превращалась в коллектив сотрудников. Ему было сложно удерживать связи между людьми (кто кому и кем приходится).

Один раз, придя с бабушкой, Саша несколько раз назвал её не мамой, а бабушкой (будто оговорился), при этом он смотрел то на меня, то на бабушку, отслеживая реакции. Бабушка мне не говорила, но по косвенным реакциям я поняла, что она не хочет больше водить Сашу. Он стал более активным и, соответственно – менее удобным. В этот раз он впервые предложил играть в активную игру. Он охотник, я – олень. Он принёс с собой из дому лассо с уже завязанным узлом. Я должна была бегать по кабинету по

кругу, с опущенными кистями рук, чтобы ему было удобней меня ловить. После того как он два раза меня словил, он рассказал мне историю, что в прошлой жизни я была девушкой, а потом меня заколдовали и я стала мужчиной – оленем и он может меня освободить, расколдовать.

Саша стал приносить более значимую символическую оплату. Иногда, он приносил игрушку и говорил, насколько она ему дорога, но он готов с ней расстаться.

В дальнейшем Саша стал играть в игры, в которых был плохой мир и хороший. Он стал наливать воду в песок.

Вы видите, что получается.

Я. Да, если соединить два ингредиента, то получится что-то третье.

А. Да, но для этого нужно взболтать.

Я. Когда ты сердиться, то, наверное, это похоже на песок, который взбалтывают в воде.

А. да, у нас завтра будет на реке прилив, нужно строить заграждение.

Я. Иногда эмоций так много, что нужно уметь с ними справляться.

А. Я- управитель солдат, что им прикажу, то они и будут делать. Они должны проложить путь, чтобы вода не смыла песок. Командир Полкан взобрался высоко, прямо на эту бухту и всё у них спаслось.

Для Саши уже стало возможным контролировать свои разрушительные чувства. Но оставался актуальным вопрос, куда направлять их и для чего. Он уже мог осознавать и контролировать свои эмоции. Солдаты, направленные на преодоление одной цели, могут дать возможность выражать свои примитивные чувства ярости и разрушения. У него уже была способность если не контролировать, то осознавать свои теньевые чувства, понимая, что они могут быть ему полезны для борьбы и самозащиты.

Это была одна из последних наших сессий.

Когда родители чувствуют, что в их мире что-то начинает непредсказуемо меняться, выходить из-под их контроля, они пытаются вернуть контроль путем прекращения терапии. Предлогом для этого могут стать такие аргументы, как недостаток денег, времени, проблемы с дорогой, неэффективность терапии. Так получилось и в этот раз. Сначала бабушка стала говорить о недостатке денег, затем – времени.

То, что бабушка заявила об окончании терапии, как ни странно, сыграло позитивную роль. Саша стал строить композиции, в которых было много чувств. В них стали присутствовать ограждения, заборы, которые являлись символом сепарации и отделения. Он эмоционально активно стал включаться в эти игры. Было впечатление, что он максимально насыщенно хочет прожить опыт сепарации. Лишенный возможности прожить эти

чувства с родной матерью мальчик старался максимально честно восполнить этот опыт при завершении отношений с терапевтом.

Похоже, что бабушка испугалась того, что он стал выстраивать свои границы. Для неё это представляло угрозу, что она не будет иметь абсолютную власть над всей семьей. Наша работа продлилась 4 месяца, чуть больше, чем он находился рядом со своей матерью (в качестве матери). Работа окончилась, как только бабушка стала испытывать ревность. До сих пор бабушка в этой семье чувствовала себя главой семьи. Она распоряжалась чувствами, судьбами и устанавливала свои порядки. Когда Саша, выражаясь кляйнианским языком, стал получать «хорошее молоко» от терапии, она оборвала терапию, не справившись со своей ревностью и перспективой лишиться контроля. Складывалось такое впечатление, что эта семья поймана инстинктом смерти. По Фрейду жизнь – это всегда боль, фрустрация, движение, а смерть – возможность освободиться от этой боли. И семья Саши выбрала такой способ ухода от жизни в психотические защиты.

Такая ситуация требует кропотливой работы с родителями, но это не всегда возможно. А в приложении к данной семье, мне было сложно справляться со своими чувствами конкуренции по отношению к бабушке. В некоторые моменты, мне казалось, что я смогу защитить ребенка от этой ситуации. Но, когда я вспоминала, что его бабушка является частью его системы жизнеобеспечения. Я понимала, что терапия может продолжаться, только при условии сотрудничества с бабушкой.

Некоторое время спустя я встретила Сашину бабушку. Она сообщила мне, что трудности в общении с одноклассниками стали меньше. Прабабушка умерла (надеюсь, плётку тоже похоронили). Саша теперь больше общается с одноклассниками.

Это была очень сложная работа. Человек испытывает большую боль, когда касаются его раны. Мы работали всё это время на тонкой грани соприкосновения с раной. И нельзя было говорить об этой ране, и нельзя было её игнорировать. Если у человека рана, то он очень торопится, чтобы закрыться наедине со своей раной. А этот ребёнок должен был жить со своей раной, которую все скрывали друг от друга «во благо». В работе нам нужно было не прийти к его актуальной истории, не подготовить его к тому, чтобы он услышал свою настоящую историю. А научиться жить и доверять этому миру, понимая, что он несовершенен. Найти ту его здоровую часть, которая сможет говорить о своих чувствах искренне, не боясь плётки. С этим ребёнком важно было говорить о его страхе остаться без поддержки. Его «Я» полно разрывов и противоречий. Ему важно понять природу собственной тревожности. Это поможет ему вести себя по-другому. Хорошо, что всё-таки, в конце этой короткой терапии у него появились свои собственные желания. Но у меня нет веры, что эти желания не будут патологичны.

Если продолжать терапию, то нужно было объявить бабушке, что она владелица «контрольного пакета акций». Было понятно, что если терапия будет успешной, то у неё это вызовет чувства ревности и конкуренции, ярость, а если терапия успешной не будет, то это позволит ей в очередной раз сказать миру, что он ни на что не годен, подтвердив таким образом саморазрушительную схему этой семьи. Цель инстинкта смерти – загонять в тупик, давая понять, что ничего не исправлено, мир остался таким же несовершенным, зловещим, как и был. Во власти бабушки все время восстанавливать этот тупик. Это похоже на наркотическую схему.

Я думала, какой опыт может научить мальчика жить в мире, где не говорят правду, где его деструктивные переживания не могут перейти в Альфа-функцию (символический слой). Материал для думанья и выдерживания фрустраций не поступает, отсутствует. Целью данной терапии может быть не исправление мира, а умение учиться жить в таком мире, каким он есть. Познакомиться с инстинктом смерти. Показать, что есть такая смертоносная машина, которая время от времени запускается, но для того, чтобы с ней быть, нужно наработать сторонников жизни, чтобы был выбор, в какую сторону идти от инстинкта смерти, которая, как наркотик, обещает отсутствие боли от столкновения с несовершенством мира.) Кроме того, терапия должна показать способ справляться с фрустрациями и использовать это знание для получения нового жизненного опыта.

Мне кажется, что результатом, которого удалось достичь стало то, что Саша смог допустить в сознание существование различий между идеальным и реальным состоянием своего «Я», стал способен разделить свою боль с другими, получил новый опыт сепарации.

Литература

12. Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц. – М., 2007г.
13. Бион У. Научение через опыт переживания. - Когито-Центр, 2008
14. Васильева Н. Горилла и динозавр или что чувствуют дети. Речь 2006
15. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М., Класс, 1998
16. Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э. Введение в работы Биона Когито-Центр, 2008
17. Кляйн М., Грин Дж., Ференци Ш., Абрахам К. Воспитание детей и психоанализ. Рефл-бук, Ваклер
18. Фрейд А. Введение в детский психоанализ. С. Петербург, В.-Е. Институт Психоанализа, 1995.
19. Фрейд З., Абрахам К., Юнг К.- Г., Джонс Э., Ференци Ш. Психоанализ детской сексуальности 1998
20. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Прогресс, 1992
21. Фрейд З. Психоанализ и теория сексуальности. – Харвест, 2006

СУПЕРВИЗИЯ В ПРАКТИКЕ ДЕТСКОГО ПСИХОЛОГА

*Кирилюк Инна Николаевна,
вице-президент ПАДАП,
канд. психол. наук,
кандидат IAAP*

В статье рассматривается вопрос супервизионной поддержки, как базовой формы профессионального развития психотерапевта. Описывается специфика практической деятельности детского психолога, и с ней связанной повышенной потребностью в супервизионном контейнере. Выделяется два вектора в супервизионном процессе – «материнский подход» и «отцовский подход».

Ключевые слова: супервизия, контейнирование, наставничество, профессиональное выгорание, комплекс спасателя, материнский подход, отцовский подход, дидактическая супервизия.

Психотерапевтическое и психоаналитическое обучение имеет поступательные формы развития. П. Дэвис говорит, что в процессе профессионального роста и развития супервизия (или корректирующая консультация) уступает по своему значению лишь непосредственно самой клинической консультации [3]. Понимание значимости супервизионного процесса порождает исследовательский интерес, который может быть выражен в двух вопросах: «Что помогает углубить супервизионный диалог? и Что ограничивает возможности построения откровенной, преобразующей беседы супервизора с супервизируемым?». Эти два вопроса обращают мое внимание на внутренние переживания супервизируемого и супервизора, и их влияние на формирование диалогического пространства внутри супервизии.

Важно начать с определения.

Супервизия – это центральная форма поддержки, в ходе которой мы можем сфокусироваться на своих трудностях в работе с клиентом, понять свои бессознательные мотивы и трудности, которые участвуют в работе с ним, разделить с супервизором или с супервизорской группой часть ответственности за эту работу. Супервизия - «важнейшая межличностная интеракция, главная цель которой заключается в том, чтобы один человек (супервизор) общался с другим человеком (супервизируемым), чтобы помочь ему более эффективно оказывать помощь людям» [1,3].

«Вы не овладеете искусством психотерапии, читая книги, работая на компьютере, просматривая видеозаписи, перебирая бумаги; этому искусству вы должны научиться у других людей в процессе глубокого внутреннего общения с ними... Наставничество (или супервизорство) – анархизм в

современном мире, поскольку оно связано с традицией устной, сокровенной передачи знаний» [3].

« Супервизия – это процесс, во время которого супервизор и супервизируемый вместе узнают что- то новое - о пациенте, друг о друге и о себе» [3].

Паоло Фонда: «Но что нас еще интересует еще больше, так это ситуация, когда детский аналитик сам переполнен тревогами своего пациента. Как правило, аналитик обращается за супервизией, когда с определенным пациентом в какой-то момент он не чувствует себя свободно, поскольку пациент поднимает в нем слишком большую тревогу или слишком сильно нарушает его способность достаточно свободно думать. В такие моменты аналитики, особенно нуждаются в группе коллег, с которыми они могут обсуждать свою работу, а также быть контейнированными ими» [5].

« Сотрудничество супервизора и стажера в изучении пациента – акт творческий, который разворачивается в «потенциальном пространстве» и его подопечным, в герметичном пространстве воображения и наблюдения, понимания и непонимания, объективности и субъективности» [3].

Эти определения отражают основные грани супервизионного процесса:

- профессиональная поддержка;
- разделение ответственности;
- наставничество;
- развитие саморефлексии;
- сотворчество;
- возможность иметь более прочный и надежный контейнер.

Специфика работы психолога-практика связана с эмоциональным взаимодействием, соприкосновением и проживанием разных чувств, которые находят живой отклик в душе. Основные терапевтические механизмы работы – это перенос, контрперенос, сопротивление, защитные механизмы, нарциссический вакуум и т.д. Эти сложные психодинамические концепты используют душевные резервы специалиста, часто оставляя чувство сомнения, страха, одиночества, вины, опустошенности, затопленности аффектами [1,4]. В трудные моменты иногда проще опустить голову и «смириться», не пытаясь проанализировать ситуацию. В такие моменты супервизия оказывается очень важной. Она может предоставить шанс подняться и оглядеться; шанс отказаться от легкого пути обвинения других – клиентов, учеников, коллег, администрации, «общества», и даже себя самого; она

может дать шанс начать поиск новых возможностей, открыть знания, рождающиеся из самых трудных ситуаций, и получить **ПОДДЕРЖКУ**. В такие моменты можно наблюдать самостоятельный поиск контейнера, который будет достаточно безопасным и надежным для укрепления профессионального Эго.

Таким образом, супервизия может быть очень важной частью заботы о самом себе и шансом быть открытым для нового опыта, равно как и необходимой частью постоянного развития помогающего самосознания и профессионального роста. **В этой связи Э. Нойман говорит:** «Знать свои потребности - значит быть более способным помогать другим. Тогда мы не используем других для репрезентации тех наших частей, которые мы отрицаем». Только тогда, когда наши собственные потребности нам известны, нами оценены и удовлетворены, мы можем помогать другим» [4].

Недостаток супервизорской помощи сказывается на возникновении чувства очерствения, заостренности, отгороженности, которое так часто возникает в профессиях, требующих самоотдачи. В самом крайнем проявлении очерствение и отгороженность являются частью синдрома, обозначаемого термином «**выгорание**» [1]. Супервизия помогает остановить этот процесс, разорвав порочный круг: ощущение опустошенности, ведущее к отходу от рабочих стандартов, рождающему чувство вины и несоответствия, которое ведет к еще большему отходу от стандартов, и так далее.

Особое значение супервизия приобретает для детских психотерапевтов. Детская практика ставит перед специалистом тройную задачу, т.к. предполагает большее количество участников аналитического процесса – ребенок, родители и сам терапевт.

Коммуникация в детской психотерапии осуществляется главным образом на невербальном символическом уровне через игры и действия. Дети выражают себя преимущественно в действиях, а не в словах. В психотерапии игра используется как один из способов, посредством которого дети сообщают о своих чувствах и фантазиях, а терапевт истолковывает их так, как если бы эти сообщения носили вербальный характер. Детский терапевт стремится лучше понять своего пациента, прибегая к символам в игре, используя жесты, позы и мимику, которые непосредственно связаны с более примитивными аспектами психики ребенка. В итоге мы получаем меньшую дистанцию между бессознательным материалом ребенка и терапевта, что может способствовать проявлению контрпереноса.

«... ребенок ближе к своему бессознательному, нежели взрослый; аналитик постоянно вовлечен в разного рода действия, которые оставляют мало места для размышлений; информация, которая имеет важное значение, выражается посредством символов и действий. Вышеперечисленные факторы

оказывают непосредственное влияние на интенсивность контрпереноса аналитика [4].

В психотерапевтической работе с детьми существует большая вероятность прямых и более глубоких личных реакций со стороны терапевта, сильнейшие проекции становятся причиной того, что зачастую терапевту трудно провести грань между явлениями переноса и реальной жизнью пациента. Также, родители, особенно невнимательные к своим детям или не удовлетворяющие потребности своих детей, подвергают испытанию чувства терапевта и могут констелировать «комплекс спасателя». Сложным испытанием для терапевта, может быть принятие того факта, что ребенок не счастлив, испытывает лишения, не нужен, эти переживания могут вызвать сильную душевную боль и депрессию. Остаться в одиночестве со своими чувствами, тревогами и разочарованиями довольно трудно, в какой-то момент невозможно. В поиске ресурсов для переработки своих переживаний, детский терапевт обращается за супервизией и использует возможности профессиональной помощи, поддержки, саморефлексии. Подводя черту под размышлениями о захваченности контрпереносными реакциями, хочется вспомнить о феномене «быть психически зараженным» [6]. Юнг говорил о принятии аналитиком в качестве своей судьбы собственной тенденции быть психически зараженным: «Пациент тогда становится личностно значимым, и это обеспечивает наиболее благоприятную основу для лечения» [6]. В этом контексте забота о себе, которая находит свое выражение в осознанном выборе супервизионной поддержки, становится центральным аспектом в развитии помогающего самосознания психотерапевта.

Выше описанные составляющие супервизионного процесса, я бы охарактеризовала как материнский подход, т.е. центральное место занимает забота, поддержка, принятие, возвращение, фигурально можно описать как, мать, несущая ребенка на руках. Часто именно составляющие «материнского подхода» востребованы в супервизорской практике.

В следующей части доклада я бы хотела проблематизировать другой подход к возможностям супервизии – это «отцовский подход». В литературе обозначается как дидактическая, обучающая супервизия или корректирующее вмешательство, и является обязательной составляющей аналитического обучения и становления [3].

«Отцовский подход – это подход, основанный на руководстве; с тоски зрения ребенка это означает, доверчиво подать свою руку отцу, который шаг за шагом познакомит ребенка с миром и приучит его к самостоятельности». (К. Аспер)

Следуя за образом, Катрин Аспер, хочется сказать, что путь к самостоятельности всегда связан с рисками, ответственностью и компетентностью.

Краеугольным камнем при проведении супервизии встает отсутствие

точной границы между проведением терапии и обучением стажера. Отсутствие такой границы приводит к стремлению перенести такие терапевтические концепции, как сопротивление и защиты, равно как и проблемы нарциссизма, из области психотерапии в область образования [3]. Как следствие вместо анализа терапевтической ситуации супервизор начинает анализировать личность терапевта, происходит рассмотрение супервизорских проблем сквозь призму невротических проблем.

С какими опасностями сопряжена обучающая супервизия?

«Обучение нередко приводит к ущемлению сформировавшегося чувства собственного достоинства. В процессе лечения терапевт порой узнает о пациенте и о самом себе больше, чем собирался узнать. Он сталкивается со способами мышления и переживания (у своих пациентов и супервизоров, которые отличаются от его собственных). Такие ситуации воспринимаются как вызов чувству собственной самооценки. Для обеспечения максимальной эффективности своего вмешательства супервизор вынужден дозировать его в такой степени, чтобы постоянно поддерживать чувство профессионального и личного благополучия своего подопечного» [3].

« ... чтобы сотворчество состоялось (супервизора и супервизируемого), необходимо соблюдение следующих условий. В процессе обучения супервизируемый должен уметь (или научиться) стойко переносить крушения своего субъективного мировосприятия и жить ощущением собственной уязвимости, нередко сопутствующей новому познанию. Он должен уметь организовать свои субъективные способности для получения новой информации о себе самом и своем пациенте, при этом оценивая свой потенциал критически. Помощь в подобном сложном процессе оказывает супервизор» [3].

« исследования Х. Когуа позволили более полно учесть в супервизии роль чувства стыда, поскольку педагогический процесс требует анализа переживаемых чувств. Сформировавшееся в период обучения чувство собственной идентичности может препятствовать задачам процесса обучения. Необходимое изменение подобного самоощущения невозможно осуществить без дестабилизации привычных способов мышления и поведения. Таким путем происходит изменение и формирование личности профессионала» [3].

Анализ литературы и собственный опыт, говорит о том, что основные риски связаны с нарциссическими колебаниями, возникающая тревога порождает следующие вопросы: Будет ли супервизор на моей стороне? Не будет ли он судить меня также строго, как я сужу себя? Позволит ли он мне остаться самим собой? Позволит ли он мне сохранить мои достоинства и недостатки, не попытаюсь контролировать мои терапевтические действия? и т. д.

Дидактическая супервизия привносит колебания в нарциссическое равновесие супервизируемого. Нарциссические опасности:

- ущемление чувства собственного достоинства;
- колебания самооценки: давление супер-эго, сравнение самооценки с образом идеального эго;
- чувство стыда;
- чувство страха перед новым, неизвестным;
- кризис самоуважения;
- осознание сложных переживаний, которые связаны с аналитическим процессом: сексуальные импульсы, враждебность, снисходительность, скука, отвращение.
- защитная агрессивность по отношению к пациентам, супервизору, коллегам;
- дух соперничества как компенсация ощущения несостоятельности;
- депрессивные проявления.

Как итог хочу привести цитату:

« Преподавание как таковое может состоять лишь в условиях определенного кризиса. Преподавание, не содержащее кризисную ситуацию, ситуацию ранимости или эмоционального взрыва, приобретающего (в явном или неявном виде) непредсказуемый масштаб, можно считать несостоявшимся. В таком случае происходит лишь передача определенной информации и обмен документами. Преподавание и психоанализ должны проходить кризисную фазу, они должны быть не только когнитивными, но и действенными, поскольку они стремятся обеспечить и вызвать изменение. Интерес для такого преподавания и психоанализа представляет не столько новая информация, сколько способность осуществлять личную трансформацию на основе получения новой информации» [3].

Движение в своей профессиональной индивидуации, как мне кажется, идет от материнского - поддерживающего подхода в супервизии к отцовскому - преобразующему, эта направленность отражает теологическую ориентацию юнгианской психологии. Юнг рассматривал человеческое существование как непрерывный процесс развития. Процесс целенаправленного развития в профессии неизбежно актуализирует поиск внутреннего и внешнего наставника.

Литература

1. Васильева Н.Л. Теория и методология современного детского психоанализа.-СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.-160с.
2. Дискуссия вокруг переноса и контрпереноса// Опубликовано в *Controversies in Analytical Psychology* (Ed. by R.Withers), Hove&NewYork:Brunner-Routledge, 2003. П еревод с англ., Херай Л.А., 2007
3. Джейкобс Д., Дэвид П., Мейер Д.Дж. Супервизорство. Техника и методы

корректирующих консультаций. - СПб.: Б.С.К., 1997.-235с.

4. Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков/ Под ред. Дж. Циантиса, А.-М. Сандлер, Д. Анастасопулоса, Б.Мартиндейла. Пер. с англ. - М.: Когито-Центр, 2005. - 145с.

5. Лиар Дениз. Детский юнгианский психоанализ. Пер. с фр.- М.: "Когито-Центр", 2008. - 207с.

6. Седжвик Д. Раненый целитель. Контрперенос в практике юнгианского анализа. - М.: Добросвет, КДУ, 2007.- 232с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ ПО РАССТАВАНИЮ

Рекомендации подготовила
Залеская Оксана Владимировна
президент ПАДАП,
канд. психол.наук,
рутер IAAP,
член Киевской группы развития IAAP

Как подготовить ребенка к Вашему отъезду? Если вы часто путешествуете, и ребенок остается дома, что сказать ребенку? Как быть если ребенок сильно плачет при разлуке? Небольшие подсказки помогут Вам облегчить ситуацию с расставанием и помочь ребенку выражать свои чувства.

- Необходимо говорить с ребенком о расставании, выслушивая его ответный протест, возможный гнев и капризы, оставаясь при этом спокойными. Возможно, подобных реакций и не будет, хотя они являются нормативными. Ребенок может реагировать соматически на разлуку либо ухудшением поведения, интенсивным аффектом. Постарайтесь отражать эти проявления «Ты сердисься, тебе не хочется отпускать маму (папу), ты даже приболел (если это случится), так бывает», «Людям, которые любят друг друга всегда сложно расставаться», «Можете комментировать: «Даже когда меня нет рядом с тобой, я о тебе помню, ты есть в моем сердце, я люблю тебя и тогда, когда меня нет рядом»

- Непосредственно во время разлуки не исчезайте тайно, но и не задерживайтесь долго при расставании, четко и ясно скажите, почему не можете поехать вместе, выслушайте однократно протест ребенка и сердитые чувства, отразите их: «Я понимаю, что ты сейчас сердисься, но я должна идти, я уверена, то все будет хорошо, и когда я вернусь, мы проведем целый день вместе». Ребенок вместе с кем-то из взрослых (няней, бабушкой и т.д.) могут отмечать на календаре, сколько осталось до этого счастливого дня.

- Можно обменяться с ребенком памятными предметами (хорошо подойдут круглые предметы, что-то напоминающее яйцо, камушки, которые будут напоминать друг о друге). Можно сделать маленький альбомчик с вашими любимыми семейными фотографиями, и ребенок может использовать его, когда ему грустно.

- Когда вы отсутствуете долгий срок, запишите для ребенка сказки и пожелания на ночь на кассету (или диск), которую он мог бы

прослушивать на ночь. Но важно этот диск прослушать несколько раз в Вашем присутствии, чтобы ребенок овладел этим диском, воспринял его как возможность символически Вас воссоздать тогда, когда Вас нет. Иначе, ребенок просто будет тревожиться и сердиться, услышав Ваш голос, не увидев Вас.

- Звоните ему и беседуйте о том, как прошел день, причем рассказывайте о своих событиях, а не только спрашивайте.

- Пишите письма в виде картинок, которые будут отражать Вашу жизнь вдали от ребенка, это даст ему возможность писать Вам таким же образом о своих событиях. Эти картинки можно отправлять по факсу, если такой возможности нет, то вы можете оставить заранее несколько писем-приветствий и кто-то из взрослых сможет их вручать и помогать ребенку подготовить ответ.

- Подготовьте заранее до отъезда маленькие сюрпризы для ребенка, которые няня сможет спрятать в разные места и искать вместе с ним как Ваши послания время от времени.

- Сообщайте ребенку, что вы скучаете, но уверены, что ему хорошо, т.к. он не один, а с близкими ему людьми. Акцентируйте внимание на том, какой он взрослый и самостоятельный, как много умеет, и говорите вслух о его новых достижениях. Выражайте свою радость и удовольствие в связи с этим.

- Стройте планы по поводу того, что вы будете делать вместе, когда вновь встретитесь.

РЕКОМЕНДАЦИИ РОДИТЕЛЯМ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СИТУАЦИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕБЕНКА СО СТОРОНЫ ВЗРОСЛЫХ

Рекомендации подготовила
Залеская Оксана Владимировна
президент ПАДАП,
канд. психол.наук,
рутер IAAP,
член Киевской группы развития IAAP

В существующей ситуации необходимо готовить детей к возможным проявлениям взрослого недопустимого поведения в области сексуальности. Подготовка заранее в большей степени обеспечивает безопасность и может защитить ребенка.

Во-первых, нужно рассказать детям некоторые основные моменты, касающиеся человеческой сексуальности. Это включает в себя название интимных мест человека (лучше использовать настоящие термины – такие, как пенис, вагина, анус, груди). Далее необходимо объяснить, какие прикосновения считаются непозволительными, то есть от каких прикосновений ребенок может почувствовать себя неловко, и как отличить их от тех, которые позволительны (объятия, касания друг друга во время подвижных игр, врачебный осмотр и т.д.).

Важно просто объяснить ребенку, что определенные прикосновения недопустимы, и что посторонние не имеют права трогать детей там, где хотят. Можно привести примеры, где и как это может произойти: мужчина, предлагающий конфетки, предлагающий секретные отношения, мужчина, предлагающий поиграть в доктора, осмотр в бассейне и т.д. Если ребенок рассказывает о насилии, нужно ему верить. Постарайтесь сохранять спокойствие и не обвинять ребенка.

Как можно было бы поговорить с ребенком об этом:

- Объяснять ребенку: «Твое тело принадлежит только тебе, ты можешь одна мыться, спать, одеваться» (постепенно к 3 годам).
- «Существует много прикосновений. Большинство из них, приятные, но есть и плохие. Плохие – это те, которые причиняют боль, или касаются интимных областей. Части тела, которые ты закрываешь нижним бельем называются интимными частями. Мы их так называем, потому что никто не должен у тебя их видеть, кроме родителей и доктора (которому доверяют родители)». С определенного возраста и родители должны уважать интимность ребенка и не позволять себе мыть ребенка, рассматривать, и т.д. С 3-4 лет полностью самостоятельный туалет.
- Бывает, что некоторым людям хочется потрогать тебя за

интимные части тела. Они могут захотеть прикоснуться к твоим ягодицам, груди, влагалищу. Никто не имеет права это делать, если он не врач, которому я тебя доверила (к 3 годам и Вы не должны прикасаться к интимным местам ребенка, он сам должен полностью заниматься гигиеной этих частей тела, это создает необходимую границу). Если вдруг кто-то захочет потрогать тебя за интимные места, громко кричи, говори «нет» и убегай. Ты всегда можешь рассказать мне о произошедшем».

- «Никакой взрослый не может трогать твои интимные области. Никто не имеет права даже смотреть на твои интимные места. Поэтому мы и называем их интимными».

- «Если взрослый это сделал, ты в этом не виновата, взрослый должен сам знать, что это нельзя».

- Если это случилось, успокаивайте ребенка: «Я буду всегда делать все возможное, чтобы защитить тебя. Большинство детей не сталкивается с сексуальными домогательствами, но с некоторыми это случается, и с тобой это произошло. Ты смог(ла) сказать нет и убежать, это правильно. Хорошо, что ты сразу рассказала нам. Мы поможем тебе. Во время кошмаров или пугающих воспоминаний сосредоточьте мысли ребенка на настоящем: «Я здесь, с тобой, и мы дома в безопасности. Рядом нет этого человека. Все прошло и осталось позади».

Рекомендованные книги по сексуальности для детей

1. Януш Катерина, Линдман Мерви «Как я появился на свет». Москва, Открытый мир:2007
2. А. Аудариня, М. Путниньш «Откуда берутся дети?»
3. Энциклопедия сексуальной жизни для детей

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕБЕНКА

*Материалы подготовила
Кирилюк Инна Николаевна,
вице-президент ПАДАП,
канд. психол. наук,
кандидат ИААР*

Данная работа представляет аналитическо-диагностическое исследование личности ребенка, который имеет в своем психологическом развитии травматический опыт и дефицит родительской опеки. Цель исследования: изучение личностных и поведенческих реакций ребенка в период адаптации в семейную СОС-систему и особенностей социализации. Необходимость данной исследовательской работы, обусловлена сложностями с которыми сталкивается ребенок и СОС-мама в момент создания новых семейных связей. Опыт детской незащищенности и брошенности отражается на нестабильной эмоциональной привязанности и формирует прерванную линию жизни, где нет понимания себя и своих реакций. С непониманием и невозможностью объяснить реакции ребенка сталкиваются СОС-мамы и возникает потребность в проведении глубинной диагностики. Аналитическое исследование проводилось пять встреч с помощью диагностических методик и создания игрового пространства в детском терапевтическом кабинете. Так же важно обозначить формы сотрудничества «Профессиональной Ассоциации Детских Аналитических Психологов» и «СОС - Детской деревни» в Броварах.

Деятельность ПАДАП направлена на психологическое сопровождение проекта «СОС- Детская деревня» г. Бровары. В основе работы СОС-деревни лежит семейный подход в долгосрочной опеке детей, оставшихся без попечения родителей и социальных сирот.

С детьми в «СОС-деревне» проводится огромная работа: психологическая, педагогическая, медицинская, оказывается дифференциальная помощь в удовлетворении потребностей развития каждого ребенка.

Психодиагностическое исследование

О. В. А.

по запросу организации SOS-Детская Деревня

Анамнестические данные (информация из личного дела ребенка):

О. В. родился в Броварах 26.06.1996 г. После рождения находился в больнице. В возрасте 2 мес. и 12 дней попал в Боярский дом ребенка в сопровождении медсестры больницы. В 3 года был переведен в Бучанскую школу-интернат. В октябре 2006 года, в возрасте 7 лет, был переведен в ЦСПР «Любысток» г. Бровары. С января 2007 года – воспитанник SOS-Детская Деревня в семье SOS-мамы В. К.

Ребенок от первой беременности; мать-одиночка, 42 года, страдает эпилепсией. За ребенком ухаживать не может, по состоянию здоровья. По возможности навещала ребенка в Доме ребенка, в Школе интернате, в приюте, и сейчас навещает в Детской Деревне.

С 2005 года, ребенок проводит каникулы в Италии (2 раза в год: летом и зимой по 1 мес.), в приемной семье, которые также навещали его в SOS-Детской Деревне в апреле 2007 года..

Данные родов: вес – 2500г., рост – 47., объем головы – 34см., о. гр. – 33см., ОША – 7-8 б.

Диагноз при рождении: - перинатальная гипотрофия II ст.

С рождения на искусственном вскармливании.

Диагноз при поступлении в Боярский дом ребенка: постгипоксическая перинатальная энцефалопатия; с – м повышенной нервнорефлекторной возбудимости; тугоподвижность тазобедренных суставов; (гипокраинная) анемия; (атерома) затылочной области справа; пупочная грыжа.

Во время пребывания в Доме ребенка болел ОРВИ, дефицитной анемией, ветряной оспой, вирусным гепатитом В желтушной формой, атепмическим дерматитом.

Целями аналитического психодиагностического исследования Владлена является:

- Описание содержания эмоционально-личностного развития ребенка, рекомендации по взаимодействию ребенка в межличностной и семейной ситуации.
- Характеристика особенностей познавательной сферы, дисбаланс эмоционально-волевой сферы и развития познавательных процессов.
- Рекомендации по выше обозначенным целям.

I. Результаты психодиагностического исследования:

На момент обращения Владлен находился в проблемной школьной ситуации:

- Отказ и протестные реакции относительно выполнения школьных заданий (швыряние тетрадей; сказал: «Не буду..!»).
- Агрессивное отреагирование в школе (провокационное поведение по отношению к одноклассникам, драки, ругательства, игнорирование авторитета учителя).

Опираясь на описание SOS-мамы можно выдвинуть гипотезу, что напряжение и бессознательные страхи спровоцировали, «психотический эпизод». Это состояние можно описать, как неконтролируемое невменяемое поведение: драки, укусы, крушение всего вокруг, вегетативные реакции (вздутие вен, прилив крови к лицу), прилив несоразмерных сил и бессознательное вытеснение этого эпизода – «Не помню..», «Что происходило..?».

Исследуя процесс адаптации можно сказать, что Вова в SOS-семье получил принимающее и защищающее пространство, которое позволило ему регрессировать (то есть, опустится на более ранние этапы эмоционального развития) и погрузится в ситуацию колыбели, где он мог эмоционально напитать депривированные потребности в любви, заботе, принятии и внимании. Речь идет о насыщении эмоционального «голода», сформированного жизненной историей ребенка: отказам матери в роддоме, воспитание в интернатовской системе.

Поход в школу в бессознательном восприятии ребенка ставил в опасность его потребность в эмоциональном насыщении. Во-первых, многое не получалось в связи с педагогической запущенностью предыдущих годов и Владлен сталкивался со своей неуспешностью. Во-вторых, на бессознательном уровне Вова проассоциировал школу с интернатом (нет мамы, индивидуальных эмоциональных отношений). Ситуация требований и конкуренции, диктуемая школьным обучением, актуализировала ожесточенную агрессивную реакцию выживания. Страх, что он опять попадет в интернатную ситуацию и потеряет эмоциональную поддержку семьи, спровоцировал защитную агрессию. Можно предположить, что страх похода в школу был подкреплен и усилен недавней поездкой в Испанию, которую ребенок во внутреннем плане переживал как разлуку с мамой.

Исходя из выше изложенного, рекомендуется на данном этапе эмоционально-личностного развития Владлена организовать процесс обучения на дому. Это поможет ребенку направить агрессивную энергию в процесс познания и овладения учебным материалом (данное предположение подтвердилось наблюдениями мамы).

Рекомендации по проблемной школьной ситуации:

- Опираясь на психоэмоциональное и физическое развитие Владлена, которое не соответствует 8-летнему возрасту (3 класс), целесообразнее закрепить программу умений, знаний, навыков (2-го класса) и со следующего учебного года, снова пойти в 3-й класс, а не в 4-й. Это даст возможность Владлену удерживать адекватную самооценку, развязывать посильные познавательные задачи, эмоционально выдерживать межличностные контакты (учится договариваться с одноклассниками, внедрять совместные игры и деятельность).

II. Диагностика познавательной сферы показала, что еще не сформировано абстрактно-логическое мышление (характерное для детей 8-летнего возраста) при этом активно формируется наглядно-образное мышление, которое предполагает получение информации и понимания законов жизни окружающей среды. Важно, чтобы этот год мама (именно мама) объясняла, показывала, отвечала на вопросы (Как? Почему? Как все устроено: природа, человеческие отношения, общество?), как „пятилетнему” ребенку, делая скидку на 8-летний возраст. Этот этап психического развития был пропущен в интернате.

Рекомендации:

Вопросы, которые важно освоить на уровне внутреннего понимания Владлену за это время:

Примеры тестовых заданий:

I. Задание

Цель: исследование дифференциации существенных признаков предметов и явлений от несущественных, а также запаса знаний испытуемого.

Выберите одно из слов, заключенных в скобки, которое правильно закончит начатое предложение.

А. У сапога есть... (шнурок, пряжка, подошва, ремешки, пуговица).

Б. В теплых краях обитает... (медведь, олень, волк, верблюд, тюлень).

В. В году... (24, 3, 12, 4, 7) месяцев.

Г. Месяц зимы... (сентябрь, октябрь, февраль, ноябрь, март).

II. Задание

Цель: исследование операций обобщения и отвлечения, способность выделять существенные признаки предметов и явлений.

В каждой строке написано 5 слов, из которых 4 можно объединить в одну группу и дать ей название, а одно слово к этой группе не относится. Это «лишнее» слово надо найти и исключить его.

А. Тюльпан, лилия, фасоль, ромашка, фиалка.

Б. Река, озеро, море, мост, болото.

В. Курица, петух, лебедь, гусь, индюк.

Г. Веселый, быстрый, грустный, вкусный, осторожный.

III. Задание

Цель: исследование способности устанавливать логические связи и отношения между понятиями.

В примерах слева написана первая пара слов, которые находятся в какой-то связи между собой. Справа – одно слово над чертой, и 5 слов под чертой. Нужно выбрать одно слово из 5 под чертой, которое связано со словом над чертой точно так же, как это сделано в первой паре слов:

A. огурец = георгин

Овощ   сосняк, роса, садик, цветник, земля

B. учитель = врач

ученик   кочки, больные, палата, больной, термометр

B. цветок = птица

ваза   клюв, чайка, гнездо, яйцо, перья

Г. стол = пол

скатерть   мебель, ковер, пыль, доска, гвозди

IV. Задание

Цель: выявления умения обобщения.

Эти пары слов можно назвать одним названием, например: брюки, пальто... - одежда.

A. Метла, лопата...

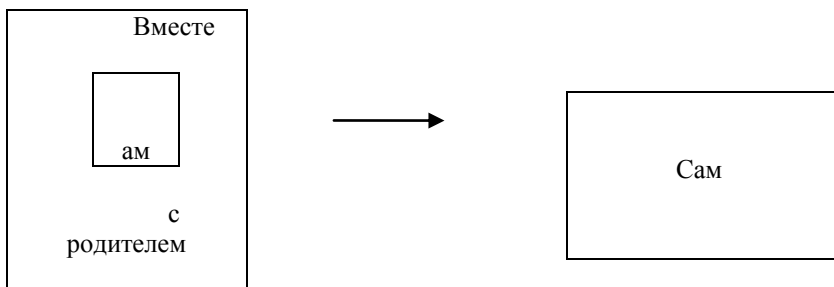
B. Окунь, карась...

B. лето, зима...

B. Огурец, помидор...

Важно „не требовать” („Это ты уже должен знать и понимать!”), а все объяснять, как в первый раз, приводить детские примеры, играть пальчиковыми игрушками, вести ролевые диалоги, придумывать сказки, истории.

• На данном этапе, на мой взгляд, необходимо создать условия для взращивания естественной активности, чтобы в будущем ребенок мог проявлять инициативу в обучении, решении сложных задач общения в школьной среде. Это возможно через введения правила «Давай вместе» или использование закона Л.С. Выготского „Зона ближайшего развития ребенка” (подробнее о рекомендациях в приложение. Глава 2. Ю.Б. Гиппенрейтер).

Важно определить SOS-маме Зону дел «Вместе» (чему важно научиться Владлену) и тогда Зона дел «Вместе» станет золотым запасом ребенка, его потенциалом на ближайшее будущее.

- Помогать развивать осознанное волевое усилие через выстраивание временной цепочки («Пора...», «Теперь мы (ты) будем (есть)...», «Сначала сделаешь, а потом...»). Как будто каждый раз рисовать цепочку прошлое-настоящие-будущее в любом виде деятельности, особенно там, где есть протестные реакции: «Не буду...», «Надоело», проявляется чувств обиды, раздражения.

III. Диагностика эмоциональной сферы показала „раннее расщепление” как механизм личностной защиты. Интерпретация методик (САТ: „обезьянка и тигр”; „Несуществующее животное”, „Незаконченные предложения”, „Барашек в бутылке”) дает возможность выделить две актуализированные потребности:

- в эмоциональном насыщении (основная тема еды в буквальном смысле: конфеты, картошка);
- отщепленный агрессивный импульс, который не имеет внутренних рычагов контроля („тигр съедает обезьянку, потому что хочет, хотя знает, что нельзя, но хочет, есть и съедает”). Это значит, что для Владлена в его внутреннем мире человек, как живое существо не осмысляется и не вызывает эмоционального сочувствия, сострадания (устный комментарий для SOS-мамы).

Владлен только вступил в процесс поиска внутри себя чувств эмпатии, сочувствия, сопереживания. Условия, которые необходимы для этого „самого главного процесса”, стабильность, принятие психологического возраста „5-лет”, возможность принимать его агрессивные проявления с пониманием и без эмоционального отстранения, не теряя эмоционального контакта.

Рекомендации:

- Владлену требуется стабильность эмоционального пространства, поэтому важно до летних каникул не создавать ситуаций

разлук с мамой и семьей (поездки в Испанию лучше отложить до лета). Но при этом активно поддерживать отношения Владлена с испанской семьей (тел. звонки; обсуждать чувства мальчика к этой семье; говорить, что они помнят о нем и скучают, и он может скучать – это нормально).

- Формировать эмоциональную грамотность: называть и отражать чувства, которые переживает Владлен. Использовать „активное слушание ребенка” – это значит „возвращать” ему в беседе то, что он вам поведал, при этом обозначив его чувства:

- „Не буду делать уроки!” - „Ты устал и раздражен и не хочешь этого делать сейчас, возможно ты отдохнешь и после сядешь за уроки”.

- „Он забрал что-то!” – „Ты огорчен и рассержен на него”.

Эти сообщения помогут Владлену понять его внутреннее состояние и не оставаться со своими переживаниями наедине. Таким образом, он будет учиться свои чувства понимать, а значит осознавать, контролировать и управлять. Это поможет Владлену в школе не бить другого ребенка, а договориться с ним, используя не физическую силу, а слово для влияния на другого и защиты себя.

- Ввести и огласить семейные табу. Это несколько четких запретов на физическую агрессию, например: „В нашей семье нельзя...”. Эти внешние правила на данном этапе будут помогать, Владлену контролировать свои агрессивные импульсы в ситуациях фрустрации (конкуренция с братом, неудачи в учебе, ссоры с друзьями и т.д.).

- Актуальная, но не проявленная зона агрессии – это сиблинговые отношения (отношения с братом). Методика „Рисунок семьи” („Брат плачет, потому что его ударили”) показывает бессознательное желание конфронтировать с братом. Потому важно помочь символизировать агрессивные импульсы в отношениях с братом и в семье, используя игры между мальчиками в бой, строение военных баз, войны двух армий, рисование своих миров, спортивные упражнения, четкое распределение обязанностей и возрастной иерархии, так как маленькая разница в возрасте (старший не использует силу, а младший - манипуляции). Наказания для обоих: „Вы оба не смотрите телевизор”. Делать акцент, на том, чтобы учились договариваться самостоятельно.

- Поддерживать семейные традиции. Делать вдвоем что-то эмоционально приятное. На этом этапе давать очень много телесного, теплого контакта, сидеть отдельно от мальчиков на своем кресле вечером перед сном (до 40 мин.), кутать, укрывать, поощрять игру с мягкими игрушками.

- Также анализ диагностических методик говорит о сильно выраженном ощущении своей малоценности, неважности, заниженной самооценке, сильно развитых навыках приспособления, выживания в различных ситуациях. Данные выводы иллюстрируют методики „Три дерева”

(где он - это зимнее дерево без листьев, не живое, среди плодовых сочных деревьев, которое он назвал не своим именем „какой-то Вася”) и „Несуществующее животное” (Хрост- червяк- что говорит о хорошем приспособлении, но психологической не дифференцированности, нет рук, ног, то есть то, на что можно опираться, то что можно осознавать как часть себя). На совместном «Семейном рисунке» занимает самое малое место - пространство для себя, сюжет рисунка повторяет за мамой, это говорит о том, что в своем внутреннем мире дает себе мало прав и умеет проявлять себя через подражание.

- Рекомендуется много смотреть сказок, где персонажи проявляют чувства, эмоциональные переживания, обсуждать характеры разных сказочных героев, учить ставить себя на их место („Как бы ты поступил?”, „А тебя это огорчило бы?”), придумывать истории про мальчика или животное („Зайчик...он думал так, сделал то-то и почувствовал...”).

Общие рекомендации:

1. SOS-организация, как система социального работника, психолога, администрации, должны поддерживать маму в направлении глубокого внутреннего понимания ребенка, а не в выполнении внешних задач воспитания и обучения. Это поддержка может проявляться в акценте внимания на то, как переживает ребенок, реагирует, во что играет, чем интересуется (как для 5 лет), а не на то, что умеет, чему научен (как для 8 лет).

2. Организовывать помощь в овладении своими агрессивными отщепленными инстинктами (основные игры в диагностической работе: крокодил, змея, автомат в доме), опираясь на идею Вагнера, положенную в hend-тест. Работая с агрессией важно развивать тенденции связанные с социальной кооперацией, способность сочувствовать, становится на место другого, умение договариваться, понимание, что мы зависим от друг друга, живем в обществе, как следствие уменьшается агрессивность.

Формула определения уровня агрессивности:

$I = (Agg+Dir) - (Agg+Com+Dep)$, где

- Agg и Dir (агрессивность и директивность) повышают вероятность проявления агрессии в открытом поведении. Их объединяет отсутствие стремления считаться с другими людьми, учитывать чувства, права и намерения других в своем поведении, нежелание приспособливаться к социальному окружению;

- Aff отражают способность к активной социальной жизни, желание сотрудничать с другими людьми, свидетельствуют о повышенной эмоциональности человека, это «теплые» люди, обладающие развитой эмпатией.

- Com – признак высокой коммуникации, возможность

договариваться, вести деловые диалоги.

- Dep отражает потребность в помощи и поддержке со стороны других людей, такие люди считают, что другие должны тратить на них время, уделять внимание и нести ответственность за их действия. Отсутствие ответов – дефицит чувства социальной ответственности.

Ответы Aff, Com, Dep отражают тенденцию, связанную с социальной кооперацией, то есть предполагается, что человек нуждается в других людях, так как другие люди нуждаются в нем. Эти ответы направлены на приспособление к социальному окружению и активно уменьшают вероятность открытого агрессивного поведения. Главная идея «Н-т» заключается в том, что детерминантой открытого агрессивного поведения является недоразвитие установок активного социального сотрудничества, а не наличие развитых агрессивных тенденций. Склонность к открытому агрессивному поведению оценивается путем сопоставления тенденций, отражающих готовность к агрессивному поведению и тенденций, предполагающих кооперацию $I = (Agg + Dir) - (Aff + Com + Dep)$.

3. Повышенное внимание психолога должно направляться на наблюдение бессознательной динамики «отщепленных агрессивных инстинктов»: как происходит соединение энергии любви и агрессии, насколько внешние правила осознаются и становятся внутренними, которые помогают управлять агрессивной энергией.

4. К декабрю целесообразно ввести другое место (помимо семьи), где Владлен смог бы попробовать использовать свой интеллект и эмоционально-личностные достижения. Этим местом может быть кружок по интересам, лучше связанный не со спортом. Обязательно четко выделить время в режим дня для бесцельной физической активности, лучше вместе с братом гулять, бегать на улице (эти прогулки дадут возможность выброса агрессивной энергии в играх в социально-адекватной форме).

5. Прослеживается тенденция позитивной поло-ролевой идентификации с сыном СОС-мамы (можно эту тенденцию поддерживать, предложить какую-то совместную деятельность для Владлена и А. или тему, хобби для обсуждения).

6. Рекомендуются лонгитюдное наблюдение невролога и детского психиатра (наследственность и анамнестические данные).

7. Много играть в сюжетно-ролевые игры (игры в семью, дом, кормление, укладывание спать, играть в песочнице).

8. В обучающие тренинговые программы для мам включить проработку темы „Агрессивность, как нормальное фундаментальное проявление психики“; исследование проявлений родительской агрессии и детской агрессии.

**РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ**

Автор	Название книги	Основные темы
Анна Говальда	35 кило надежды	Детская психология, проблемы с обучением, развод родителей
Сью Таусенд	Тайный дневник Адриана Моула...	Юмор. Подростки. Отношения сверстников. Отношение подростков с родителями. Жизнь непроста, когда тебе 13 и 3/4 лет - особенно если на подбородке вскочил вулканический прыщ, ты не можешь решить, с кем из безалаберных родителей жить дальше, за углом школы тебя подстерегает злобный хулиган, ты не знаешь, кем стать - сельским ветеринаром или великим писателем, прекрасная одноклассница Пандора не посмотрела сегодня в твою сторону, и вечером нужно идти стричь ногти старому сварливому инвалиду...
Сью Таусенд	Страдания Адриана Моула	Старший подростковый возраст. Влюбленность. Отношения.
Сью Таусенд	Адриан Моул дикие годы	Продолжение следует...
Сью Таусенд	Признания Адриана Моула	Продолжение следует...
Сью Таусенд	Адриан Моул. Годы Капучино	Адриан Моул взрослеет..
Элеонор Портер	Поллианна	Для чтения с детьми. Про доброту, радость и любовь.
Рональд Дал	Чарли и шоколадная фабрика	Для семейного чтения. Про творчество, про детские «вредности».

Ким Фупс Окесон Эва Эриксон	Как дедушка стал приведением	Книга о переживании ребенком смерти дедушки. Очень тонкая и глубокая книга. Для семейного чтения.
Бредли Тревор Грив	Когда тебе грустно... Для детей	Хорошая книга для детей, которые грустят и капризничают.
	Дневник Алисы	Сложная книга о девочке подростке и наркотиках.
Анн-Софи Брасм	Я дышу	Роман 16-тилетней школьнице о подростках, о сложных переживаниях и непростых отношениях.
Мари-Од Мюраи	Oh, boy!	В романе для подростков "Oh, boy!" через историю трех детей, оставшихся сиротами, Мари-Од Мюраи талантливо и с юмором раскрывает сразу несколько тем, о которых обычно не принято говорить: сиротства, тяжелой болезни близкого человека, гомосексуализма, взаимосвязи между ответственностью и взрослением.
Стальфельт Пернилла	Книга о любви	Забавная и поучительная книжка
Стальфельт Пернилла	Книга о смерти	О трудном доступно.
Стальфельт Пернилла	Одного поля ягода	О различиях и не только...
Свен Нурдквист	Петсон и Финдус (серия книг)	10 книг с популярными во всем мире историями о незадачливом старике Петсоне и его друге - озорном котенке Финдусе. Его герои вечно попадают в нелепые ситуации, но всегда придумывают остроумный способ из них выпутаться.
Линдман Мерви, Януш Катерина	Как я появился на свет	Смешная и понятная книжка. Можно читать с самыми маленькими детьми.
Аппельгрэн Туве	Веста-Линя и капризная мама	Чудесная книга для мам и детей, которые иногда выходят из себя и говорят друг другу глупости.

Апельгрэн Туве	Спокойной ночи, Веста-Линнея!	Про ночь, сны и родительскую постель.
С. С. Михалков	Юля плохо кушает....	Для детей с плохим аппетитом
Эмма Мошковская	Жадина.	Детям о жадности.
Петрушевская	Поросенок Петр идет в гости.	Для детей об игре.
Петрушевская	Поросенок Петр и магазин.	Для детей об игре.
С.С. Михалков	Ципленок и петух.	Детям о зависти.
Мери Линдман	Храбрая крошка Мемули.	Мамам и папам о детской храбрости. Детям о том, что страшного мало не бывает.
Линдман Мерви, Нопола Тина	Сирии и Радость с третьего этажа.	Про отношения детей и родителей. Что делать маленькой девочке, когда мама и папа заняты?
Э. Сетон- Томпсон	Животные – герои.	Жизнь героев-животных. Радости и беды глазами животных. Любовь к нашим питомцам.
Э. Сетон- Томпсон	Моя жизнь.	Жизнь героев-животных. Радости и беды глазами животных. Любовь к нашим питомцам.
Э. Сетон- Томпсон	Судьба гонимых.	Жизнь героев-животных. Радости и беды глазами животных. Любовь к нашим питомцам.
Э. Сетон- Томпсон	Мои дикие друзья.	Жизнь героев-животных. Радости и беды глазами животных. Любовь к нашим питомцам.
Урсула Ле Гуин	Волшебник Земноморья.	Книга о поиске себя, приключениях, подвигах и волшебстве. Путь индивидуации.
Урсула Ле Гуин	На последнем берегу.	Про взросление, разлуку с детством. Прощание с наставником.
Астрид Линдгрэн	Ронья, дочь разбойника	Про встречу с другом. Дружба как открытие. Поиск своего пути.

Астрид Линдгрен	Мио, мой Мио!	О покинутости, вере в волшебных, любящих родителей. Есть кто-то, кто меня любит на этой земле.
Астрид Линдгрен	Братья Львиное Сердце	Про непростые отношения братьев. Младший хочет быть как старший. Но как быть самим собой?
Сборник авторских сказок. Сост. С. Серова	Городок в табакерке	Сокровищница русских авторских сказок и рассказов для детей.
Сем Макбратни	Знаешь, как я тебя люблю	Книга для детей и родителей о любви, и способах о ней поговорить.
Д. Даррелл	Зоопарк в моем багаже.	Книга о том, как ребенок исследует окружающий мир и учится выстраивать отношения с другими.
Д. Даррелл	Моя семья и другие звери.	Книга о том, как сохранять свой мир и свои фантазии, когда других заботит только реальность.

Продолжение следует...

Присоединяйтесь и присылайте интересные детские книги по адресу radar@ukr.net